

ОЛЬГА ВАЛЕНЧИЦ

ОДУШЕВЛЕННАЯ
ПРИМЕТА

Литературное агентство
Вячеслава 2014 Смирнова

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5
В15

Валенциц, Ольга.

В15 Одушевленная примета: стихотворения / Ольга Валенциц. – Т.: Литературное агентство В. Смирнова, 2014. – 192 с.

ISBN - 978-5-98147-043-1

В новую книгу поэтессы, члена Союза российских писателей Ольги Валенциц вошли стихотворения и рассказы 2004-2014 годов.

Приглашение к парадоксальным размышлениям о «вечных» ценностях, обнажение чувств, которые принято скрывать от самого себя, балансирование на грани гармонии и абсурда. Пристальный взгляд музыканта на гомон жизни и тишину любви.

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ
и
Союза российских писателей

© О.Валенциц, 2014

© М. Шляпина, 2014

ISBN - 978-5-98147-043-1

© Литературное агентство
В. Смирнова, 2014

ЧУЖАЯ МУЗЫКА

1. Чужая музыка

Я слышу музыку чужую,
Она болит, пока во мне,
Пока ее аранжирую,
Синхронизирую волне,
Даю ей плоть и знаки мира,
Даю ей время и разбег...
Она волнуется, что сыро,
Что я оглохший человек,
Что не могу пробить ей русло,
Достойное ее примет...
Я ненавижу это чувство!
Но без него рожденья нет.

2. Сны Шекспира

Когда в Елизаветинской эпохе
Шекспировы победы шли чредой,
Мой век еще не помышлял о вдохе,
Но жребий мой оттачивал герой.

Он выходил на сцену без забрала,
Он не делил реальность на ряды.
Но если им вслепую смерть играла —
Он извлекал сонеты из руды.

Когда по потолку моей квартиры
Скользят огни, скребет асфальт металл,
Во мне поют — сонеты? сны? — Шекспира,
Хотя мой век от выдоха устал,

Хотя живу без права переписки
С героем близкой сердцу старины...

И не заботит Бога мой английский.
И благо принимающей струны.

3. Корабли

Корабли, корабли окружают, парят,
С ранних лет входят в руки, в растущее сердце.
Там Ассоль ожидала любви, говорят,
Там Аврора вела в утопичную дверцу,
Там белел одинокий, как чайка, варяг,
Там пиратские шхуны над кладами бились,
Там Летучий Голландец тревожил бродяг,
Там корабль и душа бесконечно роднились.
И теперь перед сном я читаю мечты,
Из которых бы впору соткать алый парус,
Но разводит усталость объятя, мосты,
И в романтиках даже меня не осталось.

4. Якоря

Наблюдаю частенько привязку к вещам —
Незначительным, может, и странным, порою.
К сувениру, письму, оберегу, мощам —
Это свойственно трусам и первым героям.
И в окопе, и в праздной мирской суете,
На работе, на отдыхе, в вере, в сомненьях, —
Человек как опору использует те
Знаки, символы, в коих застряло мгновенье —
Как устойчивость в зыбкости, как якоря.
Так хватается мир за соломинку, крошку,
Так природа бросает в архив янтаря
От любви потерявшую голову мошку.
Так порою хватаешься за смс,
Будто в ней вечный зов и великое чудо.
Но молчание меряет время на вес,
И Орфею не вынести песни оттуда.

5. Симптом

Повесив сумку на плечо,
Бреду с пакетами в ладони,
И ничего на сердце, кроме
Того, что сердце — горячо.
Никто в лицо не смотрит мне,
Отчасти это поправимо,
Но так легко проходишь мимо
Того, чья подлинность в огне.
Маршрутка, угол, скорость, тьма,
Листаешь мысленно архивы...
А все же люди торопливы
Вблизи сгорающих дотла.
И что-то правильное в том,
Иначе — всеохват пожара,
Падение земного шара...
...Так — незначительный симптом.

6. Скульптор

Не слишком много надобно ума,
Чтоб убедиться: тело есть тюрьма,
Уму дарованная с детства.

Мой ум ведет подкоп из ночи в ночь,
И хоть границы лба не перевозмочь,
Но крыша едет к дому по соседству.

Как прав был скульптор, маминой рукой
Нас пеленавший: скованность — покой.
Свобода не по средствам.

7. Всестороннее

Не набойка сносилась — вера
В то, что право всегда направо.
Посреди небольшого сквера,
Где щебечет детей орава,

Где коляски, пенсионеры
И подростки с гитарным боем, —
Я без всякого чувства меры
Поглощаю весь мир запоем.

Он — слетевший с катушек, шальный,
Горьковатый, больной, пьянящий,
На все стороны левый, правый! —
Удивительно настоящий.

Ну, о чем тут попросишь Бога!
Разве... встав на краю карниза...
Вместо крыльев любви — немного:
Чтоб ни верха вокруг, ни низа.

8. Возможно

Не соглашайся! Я права,
Быть может, на секундной грани.
Возможно, правда — острова —
Необитаемые — в океане...
Сомнения — наш общий путь
(Пока читаешь — в самом деле!).
И, если повезет чуть-чуть,
То я воскресну в новом теле...
В сосудах, в лимфе и в слюне,
И в клетках нервных окончаний
Прочувствую любовь вдвойне,
Живые приступы отчаянья,
Неприкасаемую грусть,
Неуправляемую радость...
И, если повезет, вернусь
В момент, где смерть не оправдалась.

ГАЛИЛЕЙ

1.

Нарастание скоростей —
Век отсутствующих поллюций.
Меж рекламы и новостей
И сольются, и разольются.
И не горько уже, не жаль:
Бег аккаунтов, мельтешенье,
Завтра будет еще скрижаль,
Относительное сношенье.
В парке темном, в плену аллеи,
Где земля отреклась от солнца,
Я стою, будто Галилей,
На своем — и оно вернется!

2.

Что дождь? — пока его не слышим,
И, не покачиваясь в такт
Друг другу, и дождю, и крыше,
Не любим человеческий акт,
Пока не устаем, не плачем,
Не обижаемся, не мстим,
Не прячемся на чьей-то даче,
В судьбе кого-то не гостим,
Не ждем звонка, каникул, спора,
Награды за свои труды,
Концерта, счастья, приговора?..

Что дождь?.. Круговорот воды.

3.

Мы сидим на холме, именуемом: лето.
Влево, вправо — докуда дотянется глаз —
Ржавый цвет и сушеные воблы скелетов —
Деревя, деревеньки, державная грязь.

Мы сидим над рекой, именуемой — Лета,
И сухие стрекодут цикады-века.
В небе облачко бьется. Беззвучно. Нелепо.
Смотрит вечность на реку и холм свысока.

Коли засуха — будешь, язычник, во злобе.
Коль потоп — будешь плот мастерить из ребра.
В ожиданье спасенья? С природою обе
мы сидим
на холме
над рекой
у костра.

4.

Ночь. Человечества вполонину.
Выколи глаз — и того не зришь.
Звезды, количеством на лавину,
Качеством множат тоску и тишь.

До безысходности — как до чуда —
Равновеликая ерунда.
Жизнь, урожденная «ниоткуда»,
Мчится в бессмертное «никуда».

5.

Рассветы здесь молочны и росисты.
Народ живет по солнечным часам.
Заутреню поют в листве хористы,
На ветерке подрагивает храм.

Здесь полдень пахнет травами, малиной,
И материнством славится земля.
Смуглеют щеки, шеи, плечи, спины,
Цепляются за радугу поля.

Здесь сумерки — упругие на ощупь —
Под трели соловьиные растут.
Здесь люди на судьбу свою не ропщут,
Поскольку думы растворяет труд.

6.

А человек похож на лист.
А лист похож на человека.
В падении предельно чист.
А после — выброшен из века.

Его сосуды, весь состав,
Крепление к судьбе на нити,
Порывом сломанный сустав —
И он — забытое событие.

Он так сиял, вбирая свет,
Он так встречал грозу и лето.
Он знал, что будущего нет,
А настоящее нелепо.

И это знание дало
Листу пронзительное чувство,
Что угасание — не зло,
А наивысшее искусство.

7.

Вот так заглянешь в местный планетарий —
Почувствуешь, что сердце есть пульсар,
А звезды как сердца у божьих тварей,
И кто из них признается, что *стар*?

Открытия, пронзающие пламя,
Идеи, не вмерзающие в лед —
Весь космос, постигая наши планы,
На миллионы лет с ума сойдет.

Созвездия — как ниточки от предков,
Взирающих на небо в наготе...
Как жаль, что их находим редко
В зияющей зрочками пустоте...

Да, жизнь есть чудо, и в пределах мифа,
И за чертой теорий, аксиом,
Я ведаю, что разум — это рифы:
Лишь будучи разбитым, ты спасен...

НЕВИДИМАЯ ЗАВЯЗЬ

1.

Я вот думаю: что бы такого сыну
Рассказать о любви?
Чтобы понял, проникся, не сгинул
В ее плоти, в ее крови?

Чтобы качал ее и упрямо
Не выпускал из рук, чтобы, любя,
Кончался в ней — и ни грамма
Не терял веры в нее, в себя?

Может, невежество есть лекарство...
Может, не начинать...
Давным-давно, в тридевятом царстве,
Жили отец и мать.

2.

Это чувство как приступ жажды,
Как на гору с поклажей бег.
Да, в него не ныряют дважды,
Из него выплывают — век.

Происходит простая штука:
Чтоб не мыкаться одному —
Я и лебедь, и рак, и щука
В бесконечном пути к нему.

3.

Еще не сказано ни слова,
Еще подземная река
Не исторгает все зова, —
Но решено наверняка,

Что двое, сталкиваясь лбами,
Немея, путаясь, дрожа,
Прильнут горячими губами
К любви — как к лезвию ножа.

Так просто, ясно и знакомо,
Как будто нет иных миров,
Нет существа иного, кроме
Смешавшего двойную кровь...

Все будет — поздно или рано,
Когда, доверившись судьбе,
Простив ей все потери, раны,
Я посмотрю в глаза тебе.

4.

При первых признаках тоски
(Так перед гриппом гнет суставы)
Еще не сдавлены виски,
Но чувствуешь, как сохнут травы,
Как собирают острый клин
К теплу привязанные птицы,
А ты, полетом одержим,
Не можешь с ними взять и взвиться,
Медлительно редеет лес,
На землю сеет дождь сквозь сито,
Сквозняк за воротник залез
И там орудует сердито...
Так время года — вновь и встарь —
Казалось бы, не в нашей власти,
Но в каждой грусти есть октябрь,
И зной июльский в каждой страсти.
И я, влюбляясь, дорожу
Не столь капризами погоды,
Сколь тем, что в сердце содержу
Явления любой природы.

5.

Ты же знаешь, так не любят нынче —
Экономят, подстилают пух.
А во мне рождается да Винчи,
И Бетховен напрягает слух.

Расстаюсь на час — и безрассудно
Тороплю вращение планет.
Я как обезумевшее судно,
Коему нигде причала нет,

Якоря — превыше завиточка,
Золотящегося над щекой.
Ты — моя единственная точка
Между роскошью и нищетой.

6.

О, эта лексика в постели —
Мифический родник!
За несколько секунд до цели,
Почти что первый крик
Новорожденного, невинный,
Еще во тьме, в крови,
О, этот говор пуповинный
Страдающей любви,
Которую поработали
Сто тысяч лет и зим,
Чтобы очухаться в начале —
Свободным и нагим.

7.

Догонит щедрая награда
За цепкий взгляд, за чуткий слух.
Настой живой воды и яда,
Не выцедишь одно из двух.

На пуговицах заплетаясь,
На множестве преград, прорех,
Вдруг ощущаю — эта завязь
Все соки вытянет из всех.

Награда меткая — праща, и
Не ведом промах ей, предел.
Опустошение прощаю,
Без этого я *пустотел*.

Она смеется, опаляя —
Что мне прощения обет,
Когда тебя я опыляю
Страданием, мой *пустоцвет*?..

8.

Слова сметает россыпью касаний.
Несовершенство тает от тепла.
Мы скульпторы — того не зная сами —
Предплечий, губ, покинувших тела.

Простая невозможность разлепиться
(Так глина держит пальцы гончара!).
К руке рука — становимся жар-птицей —
Не это ль ретушь божьего пера?..

И мир перебродивший льется в окна,
Чтоб видеть: стыд проигрывает бой,
А в женщине, новорожденно охнув,
Взрывается бесстыдство быть собой.

9.

Маленькая деталь —
Гвоздь, изводящий память.
Крупного так не жаль,
Легче уходит в замять.

Родинка, запах, блик,
Сущая небылица...
Молнии слепок — миг! —
Дольше прощенья длится.

Прячешь его во снах,
Не поминаешь все.
Острый, как детский страх
Первого поцелуя.

Вкрадчивый мой палач —
Память с гвоздем проклятья —
За побежденный плач,
Преданные объятья...

10.

Включаю торшер. Здесь, в малюсеньком круге
Тепла посреди пустоты ледяной,
Листаю страницы романа о друге,
Который сегодня уснет не со мной.

Девчонка, ей-богу, какой там за тридцать!
Нам, детям, мерещится всякая блажь.
Такое, бывает, под утро приснится —
Все соки горячего тела отдашь.

А позже поймашь на сходстве со снами
Прохожего — и укоряешь потом
За робость себя; что не можешь глазами
Всей правды сказать, а тем более ртом.

Спускается новая ночь. Чем длиннее,
Тем крепче бессонница. Я без конца
Читаю... а лучше б зачать мы сумели
Не ангела, так, на худой... подлеца.

11.

Как сосуды с общим сообщением —
Для природы, может, странный шаг, —
У меня под ложечкою щемит,
Если у тебя саднит душа...

Я такой метафоры не знаю,
Чтобы в суть попала, что с того?
Коль тебя пытается стужа злая —
У меня дороги замело.

Наблюдая разность человека,
Трудно не споткнуться о клише.
Факт: но у меня мелеют реки,
Если ливней нет в твоей душе!

Потому, наверное, так просто
Быть с тобою до конца пути.
Только бы хватило сил и роста —
Пропасть между нами перейти...

12.

Покинуть — просто. Отпустить —
Лети легко, преград не ведая,
И возвращайся погостить,
Взглянуть на сына, пообедать,
Согреться, отдохнуть и владеть
Вскружить, и не заметить боли...

О господи, какая власть
У времени над силой воли!

13.

Расстояние съест глаза,
Имена, псевдонимы, отчества.
Счастье, чистое, как слеза,
Характерно для одиночества.

14.

Он знает о моих коленях больше,
Чем греческий гончар о ремесле.
Он посвящен мне, как Огиньский — Польше,
Я — плоть его в единственном числе.

Он в параллельном мире существует,
В предутренней тиши есть только миг,
Когда пересекает наши струи
Текущий между душами родник.

15.

Пятнадцатый этаж — отличный повод
Считать ворон, застыв перед окном,
И ощущать в грозу, что тело — провод,
Что есть у сердца тождество с огнем,

Что люди насыщают муравейник
Разрядами обыденных обид,
Что помогает множить мусор веник,
С Античности известный как Аид,

Что высота — не облака и крыши,
Но сладкая истома в животе,
Терзающая каждого, кто вышел
В открытый космос страсти на земле,

Что сам себе напоминаешь лоха
С тех пор, как в мифологию вошел,
Ведь все, что о любви известно — плохо.
А все, что неизвестно — хорошо.

16.

История любви лукава,
Как все истории, слаба.
Она лелеет злую славу,
Как средоточие добра.
Но я сумею, я сумею
Сто тысяч раз сумею я
Стать всей истории сильнее,
Сквозь тишину понять тебя.

17.

Мимика губ — какой
скульптор ваял! — ловлю —
слухом, щекой, рукой,
вдохом, гортанью —
лю...

Знаешь, я, может быть,
слишком наивна, но
верю, что слогу —
бить! —
большого — не дано.

18.

Буду лебедем в массовке —
Все умрут, а я останусь.
Я — звено в чугунной ковке,
Что навеки отливалось.
Я невидимая завязь
Чувств, поверженных на землю —
И тебе такой досталась,
И тебя таким приемлю.

19.

Любовь есть поворот от слабости, вражды,
от перемены мест, условностей и сроков
к тому, что не уйдет, не убоится лжи,
не нарисует крест на тяжести пороков,
не запретит идти по минам разногласий,
не обескровит боль, но – проживет до дна...
Не спасовать, найти – и – на обломках власти –
она напишет роль на наши имена.

20.

В халатике, на босу ногу
(Рождественская кутерьма)
Печенье посвящаю Богу,
А он мне — снежные дома,

А я ему — скатерку, крошки,
А он мне — дорогих гостей,
И тот далекий свет — немножко,
И много маленьких частей:

Ночник, и свечку, и гирлянду,
И магнетизм влюбленных глаз...

А больше ничего не надо
Нам от него, ему — от нас.

ОДИННАДЦАТЬ ПЕСЕН О ЛЮБВИ

*Говорю вам: любви настоящей
В этом мире кочующем нет.
Разве только под утро — у спящей,
Беззащитной, как пьяный поэт,
У души — отделенной от тела...*

*Только в ней, как в садке рыбака,
Бьется щука-любовь, точно съела
Разрывную надежду манка...*

Эскиз

Среди подтеков нарисован
Рукой дождя на лицах окон
Эскиз далеких встреч...

Сто раз стекло царапал вечер,
И призраком мелькала Вечность,
И время прекращало течь...

Но отраженье не устало
Смотреть в себя, как будто мало
Всей вечности ему сберечь!

Как будто важно для начала,
Как будто важно для начала
Им встретиться и свет зажечь.

Жду

Жду: найди глагол короче
И пронзительнее... *Жду!*
Ожидание среди ночи
Переходит во вражду.

Все вокруг готово к бою.
Оглушает тишина.
Переполнена тобою
Или опустошена?..

Человеческое чувство
Двигает громаду тьмы.
В словаре смешно и пусто
Без коротенького: «мы».

До рассвета терпит тело
Схватки в области груди,
Но тебе — какое дело?
Будь так добр, не приходи.

Имя

Под утро мы лежали на полу,
И было наплевать на сквозняки,
На онемение одной руки,
На шорохи в углу.

Над нами птицей — сколько лет берег —
Кружило имя —
Кругом голова.
А прочие отторгнуты слова
За болевой порог.

В смирительной рубашке наготы,
Исследованной вдоль и поперек,
Лишенные ума на долгий срок
За переход на ты.

И стоило огромного труда
Принять рассвет, скользящий по груди,
Одеться торопливо
И уйти
На день — как навсегда.

Сила мамы

Сила мамы — за улыбкой
Прятать спелую слезу,
В мир, отчаянный и зыбкий,
Подливать из глаз лазурь.

Терпеливо, верно, нежно
Ждать упрямцев. Штопать быт.
И внушать, что неизбежно
Счастье, раз бокал разбит.

От бессонницы сгорая,
Коротать земную ночь,
Так как не хватило рая
Ни на сына, ни на дочь.

Сила в слабости — не старит
Маму сеточка морщин.
В них любовь, какую дарят
Без особенных причин.

Совершенная часть

Я ложусь на прохладные камни.
Улыбаюсь знакомой звезде.
Где-то Ницца, Венеция, Канны...
Люди падают в бездну везде.

Эта бездна как будто глухая.
Я кричу, я шепчу, я зову...
Одиночество лишь окликает —
Приходи, обниму... разорву...

И прибой тоже родом из бездны,
И изрытая взглядом Луна...
Но любовь призывать бесполезно,
Словно пить эту бездну до дна.

Как награду я бездну приемлю —
За случайное право упасть
На любовь омытую Землю —
На ее совершенную часть.

Из возможных вариантов...

Ты меня увидишь на остановке,
Заметишь в переходе метро.
Подойдешь ко мне, смущенный и чуть неловкий,
Предложишь выпить кофе в бистро.

Пусть людей на свете бездна, и кружит вьюга,
Все больше пустоты позади.
Из возможных вариантов *найти* друг друга
Выбирай поскорей хоть один!

Мы — герои из одного романа.
Пора покинуть холод страниц
И на улице увидеть, как на экране,
Одно лицо из тысячи лиц.

Пусть людей на свете бездна, и кружит вьюга,
Все больше пустоты позади.
Из возможных вариантов *создать* друг друга
Выбирай поскорей хоть один.

Мы пойдем блуждать по проулкам гулким,
Подсвечивая город собой.
У любви и волшебства так похожи звуки,
И встреча станет нашей судьбой.

Пусть людей на свете бездна, и кружит вьюга,
Все больше пустоты позади.
Из возможных вариантов *беречь* друг друга
Выбирай поскорей хоть один.

Дождливое

На нашей улице дожди.
Октябрь смывает лето в Лету.
Такая благодать поэту —
Болей, тоскуй, рыдай, пиши
О том, что пройдены азы,
И если бьем, то попадаем.
Обзавелись карманным раем
И окропили все тузы.

Мало исподнее — так без.
А в преисподней жарковато.
Сюда б воды — хотя чревато
Перемещением небес,
А дальше кто там разберет,
Кому наверх, кому налево.
Придется строить стойла хлева...
Заткните поцелуем рот!

Бросаю по ветру перо —
Пускай не чувствует бумага,
Что осенью поэты — маги,
И время ставить на зеро,
Поскольку пройдены азы,
И если пьем — то пропадаем.
А то, что все считают раем —
Дают за вырванный язык.

Поделись...

Поделись бессонными ночами.
Честно, чтобы поровну пришлось.
Не атланты, но во тьме речами
Сможем удержать земную ось...

Будем лепетать вдвоем, как дети,
Открывая заново язык...
Что нам свет, когда на белом свете
Ночь, диван и тихий шелест книг?

Поделись рассветами своими —
Чаем, суетой — не будь же скуп!
Я твой ласкательное имя
Спрячу за щекой от жадных губ...

Выстроим на карем пепелище
Храм ресниц, чьи стрелы метят ввысь.
Мы друг друга слишком долго ищем —
Разочарованьем поделись.

Баллада

Пока судьба хранит меня
От дьявольских щедрот.
Но что за призрак из огня
И света у ворот?

В коленях слабость, в пальцах дрожь —
Так тяга велика
К тому, кого полжизни ждешь,
От жизни далека.

Преступник? Рыцарь? Нищий? Князь?
Не важно — ибо ночь
Скрывает блеск, богатство, грязь,
Но обнажает нож.

Пронзит безумием висок,
И, в жертву погружен,
Он выпивает нежный сок
Девиц, сестер да жен.

Пускай финал банально прост,
Но нет пути назад.
Великолепно в полный рост
Злодейство, сладок ад.

Предчувствие

Я хочу от тебя ребенка.
Будет вылитый — из любви.
Мальчик будет или девчонка...
Он уже у тебя в крови.

Он, наверное, ждал, когда мы
Вдруг притянемся, неожида-
данно крепко, губами, лбами...
И не сможем иначе жить.

Я его ощущаю, честно,
Нет, не логикой, не душой...
Так физически — будто есть он,
Будто крепкий уже, большой.

...Так она, засыпая, пела,
Обнимая холодный крест.
А метель из песка и мела
Обнимала весь мир окрест.

В нашей маленькой Вселенной

В нашей маленькой вселенной
Нынче вечер хоть куда.
Мы с тобой обыкновенны:
Ты звезда, и я звезда.

Мы с тобою непутевы.
Все теряем круг орбит,
И на землю пасть готовы
Так, что все вокруг сгорит.

Между нами притяженье,
Как у сотни черных дыр.
Неминуемо вторженье
В твой непрочный звездный мир.

А потом уже не важно,
Где ядро, а где кора.
Будет небо влажно-влажно
Вспоминать нас до утра.

В нашей маленькой вселенной
Нынче вечер хоть куда.
Мы с тобой обыкновенны:
Ты звезда — и я звезда.

ПИСЬМА В ЖЕНЕВУ

Павлу Савичу

*До соседней квартиры рукой подать.
До Швейцарии — пропасть. Заметь, однако,
я не вижу соседа уже лет пять,
правда, часто ласкаю его собаку.
А порою мне кажется, Пастернак
ночью был за столом и оставил пепел.
Или это был ты?.. Что со мной не так?
Кто из вас многоочием мне ответил?..*

*

Покуда ночь на спинах тащим,
улиточная ноет грудь.
Снега потоком восходящим
обратный считают путь.

А мы, нащупывая вены,
из-под опухших видим век,
что бог — такой обыкновенный,
обыкновенный человек,

рожденный находить причины,
глаза, двуспальную кровать,
и женщиной в ребре мужчины —
как костью в горле — застревать.

*

Пишу письмо. Перо Татьяны
вполне реально под рукой.
Другие люди жизнью пьяны,
и тон столетия другой.

Вам жаль, что нынче предпочтенье
наскоку, смысл у слова «спят»
привычен для двойного чтения,
и слишком откровенен взгляд?

Риторика! Но дайте силы
до главной доползти строки
и, закусив губу, «мой милый»
стряхнуть с Татьяниной руки...

*

Декабрь. Почти двенадцать ночи.
Не важно знать, который век.
Слеза рождается как прочерк,
приподнимает руку вверх

и разрушает цельность позы.
Лирический герой устал
от нежизнеспособной прозы,
готов покинуть пьедестал.

Вопрос — кто примет на колени,
нальет глоток воды? вина?
Тысячелетний приступ лени
обуревают времена —

что книги! — исчезают страны.
Отцы поэзии мертвы.
А на зияющие раны
лишь снег накладывает швы.

*

Никому не давай заглянуть в ладонь,
никого по ночам не зови, — да, знаю.
В нашем возрасте чисто звучит лишь тон
расставания с местом. Бросаю стаю.

Тем не менее, жажда сильней ума,
и на все-то четыре сторонки света
потрясающей силы влеченья тьма,
характерная для ремесла поэта.

*

...продолжим разговор, — ах, да, вино
сухое... Странно. Показалось сладким.
Заныли обнажением лопатки,
как будто ими дело решено.
Дрожит рука, застыв на полпути
к теплу, мурашкам, волоскам и шрамам.
Так тело предстает запретным храмом —
не отвернуться, но и не войти.

*

Говорил: бессмертен разум,
а любовь короче сна, —
пережевывая фразу,
кровоточила десна.

Говорил, что люди звери,
виртуозно лгут глаза, —
веки прикрывали двери,
чтоб не выдала слеза.

А потом, деля молчанье
между мною и собой,
как положено, случайно
проиграл последний бой.

*

Жаль, что нежность — не скорость. Что сапоги-
сороходы увязли в песке надежд,
а следы уничтожил сезон пурги.

Жаль, что мы не влюбленные, не враги,
да к тому ж не способны сыграть невежд.

Жаль, что время танцует напротив нас
как ребенок, забыв, что к обеду ждут.
Время, милое, знаешь, который час?

Не пора ли карабкаться на Парнас,
выражая восторг добрым словом «жуть»?

Жаль, опять же, что ты не напишешь мне
нечто светлое, ибо корнями из
той страны, у которой вся жизнь на дне.

Хорошо, что все больше в кошмарном сне
рифм, открытых дверей и любимых лиц.

*

Под покровом звездопада
обгорают плечи крыш.
Много ли для счастья надо? —
я не сплю, и ты не спишь.

Млечный путь уводит в детство...
Жаль, планета велика.
Если б жили по соседству —
дотянулась бы рука,

шепот слух ожег: «останься,
будем танцевать» — о, ты
знаешь, что во время танца
сладостно до немоты...

Небо — ближе. Тело — дальше.
Зарождается рассвет.
Я его встречаю раньше
не на час — на двадцать лет...

февраль 2005 год

CORONA BOREALIS*

1.

Исток любви — исток реки.
Здесь больше вымысла, чем смысла.
Но ты струись, ручей, теки —
Над руслом радуга повисла,

Над нею облачный шатер,
А там, за горизонтом звонким,
Готовит смерч сухой простор...
Но ты, ручей, побудь ребенком.

Детеныш мой, любви исток,
Впадай в закаты и рассветы.
С тобою мы на волосок
От неизбежного ответа...

Найду в тебе далекий век
И первобытные наитья —
Далекий-близкий человек,
Текущее мое событие.

Пока судьба не развела,
По берегам не распластала,
Пока река не истекла...
Живи, начало!

* Северная корона, созвездие Северного полушария, в греч. мифологии «венец Ариадны»

2.

Праздник встречи двух звезд.
Даже ночь накануне так не похожа
На обычную ночь!
Басё

Жемчужное небо вне времени, вне
Пространства — лишь радуга глаз,
В которых тебе отражаться и мне
Единственный, может быть, раз.

Заречья, залить, за туман схоронить
От скальпеля в точной руке
Жемчужное небо — и звонкую нить
Прозрачной дороги к реке...

Но как? Если тронуты струны тобой,
Часы забывают про бег,
И то, что зовется в народе судьбой —
Внезапный, как шквал, человек?..

Разлука выносит на гребень волны,
И так по-славянски узлы,
Которыми в целое спаяны мы,
Зализывает до золы.

О страх, неизбежный варяг перемен,
Настанет ли силы момент? —
Но не отменить благодарность за плен,
В котором захватчиков нет.

3.

Это ль не музыка — по восходящей,
Там, где бесстыдно сверкает душа —
Пигмалион, Галатею творящий,
Вдруг замирает над ней, не дыша?..

Груди ее поднимает, как чарки,
Больно взметает мелодию ног...
Лепит изгибы и крылья у чайки,
Взгляд затуманенный ловит в садок.

И увлажняет подсохшую глину,
Если творенью не видно конца.
И Галатея вздохнет — не покину...
И не увидит родного лица...

4.

Вот и приехали: будешь теперь считать
Полуночные привилегии, жажду крови,
Сколько раз вырвалась эта мать.
И кто в пустыне не воин?

Вот только не сваливай на судьбу, ибо
Каждому по вере его платить оброк,
А у судьбы есть крючок и море: либо — либо.
А у нас на двоих один урок.

Так возьми эту радость, полночный пепел,
Наведи нам коктейль на две тыщи верст.
Бог любви, умирая, нас просто встретил —
Кто сказал, что добр этот мир и прост?

Так все больше ритма в мою обитель
Запускала вера... и до утра
Одиночка-камера, вытрезвитель...
...Вот и приехали, князь, наш век, пора!

5.

Не навреди, прошу тебя, тоска,
Не дай ненужных слов сказать и лишних,
Как хочется порой не знать всевышний
Закон конца, и меры не искать.

Не вымывай, настойчивый прибой,
Ни камня, ни песчинки из дороги,
Которая свивала наши ноги,
Я песней отплачу тебе любой.

Разлука, не гони часы вперед,
Я жить хочу от встречи и до встречи
Так медленно, чтоб спас медовый речи
Тянул как колыбельный звездный мед...

Смирение, прошу, не одолей,
Мы столько раз в погоне за синицей
Теряли опечаленные лица
Как небо недоступных журавлей...

Да будет новый день и новый дом
Для каждого пронзительного чувства.
Уныние тушить огнем — искусство:
Один, одна, одни и об одном.

6.

Веточки, веточки яблони,
Птицы поющей приют...
Крохотные и усталые
От соловьиных причуд.

Так раскрываешь столетия
В месте любом наугад:
Все уже было! И плети, и
Райские кущи, и ад...

Что ж, человек неприкаянный,
Видимо, в том твоя суть —
Веточкой, веточкой маленькой
Время назад повернуть.

7.

Я — Сизиф. Ты — Одиссей!
Слава двум героям!
Слава нам — во всей красе
Над отверстым горем.

Как подробна эта ночь —
Накануне ноши!
Знаю: миф не превозмочь,
Одиссей, хороший...

Пуст наш берег, прост наш бег...
Наполняет море
Смыслом только человек,
Переживший горе.

8.

Нам бы память посовершенней!
Мы бы ласковый перебор
Всех свершений и не свершений,
Волосков и морщинок, пор,

Мышц, уставших от положений,
Мятой ткани, глубоких глаз,
Всех движений и не движений —
Огранили в один алмаз!

9.

Я помню страшную минуту,
Когда приду к тебе во сне.
Без оболочки, ветром гнута,
Как ива в средней полосе...

Пускай других волос ручьями
Омыт твой северный приют.
Приду к тебе во сне — ручаюсь,
И обнаружу, что не ждут,

Заметки на одну неделю,
Билеты в теплую страну
Забыли на краю постели,
Когда готовились ко сну,

Надежный, сокровенный, томный,
Такой смешной, любимый вид...
И не услышишь ты ни стона.
И лишь собака заскулит...

10.

Это лучший метод
сильные чувства спасти от массы
слабых.

И. Бродский

Молчанье жестко, как стена
На скорости без торможенья,
И ты в ударе униженья —
Добро пожаловать — до дна!
Еще инерция хранит
Подобие какой-то воли,
Ты можешь вылепить из боли —
Из лишнего ребра — свой стыд,
Но счет идет, неумолим,
К истокам возвращает разум,
Еще ты жаждешь все и сразу,
Но чувствуешь, что это — дым,
Еще карабкается суть
Как мошка по ребру бокала,
Наивная, вина искала,
Чтоб жажду смерти обмануть,
Но длится он без перемен —
И ты берешь его на веру —
Урок любви не по размеру...
А веру он берет взамен.

11.

Вот причуда знатока!
На цветок без аромата
Опустился мотылек.
Басё

Помню ли запах любви? Да и нет.
Так, распадаясь на атомы,
Помнят вселенную тысячи лет
Все мотыльки и пернатые...

Будет ли новая жизнь? Нет — и да.
Чувства за гранью забвения —
Русло, которому снится вода.
Сито. Стихотворение.

Август 2014

ОРФИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ

Марине, Артуру

1.

За Туапсе состав идет налево.
Полночный пассажир висит в окне,
кивая набегающей волне —
волнение раскачивает небо,

качается усталый проводник.
До Дагомыса два часа с полтиной.
Здесь чувства, прорываясь сквозь плотину
зубов, впадают в приглушенный крик.

На стыке рельсов и времен глаголов
всем существом переживаешь ритм,
в котором мы со звездами горим
со скоростью газетных приговоров.

Что ищешь ты у моря, человек,
языческим влечением томимый
и страстью безотчетной — если мимо
свистит — по счету двадцать первый — век?

Орфический прицел: болезнь бездомных
поющих душ, привязанных к телам.
Иди! Я обернусь и все отдам
без стога.

2.

Серпантин: наизнанку глаза и дорога.
У водителя статус как минимум бога.
Что-то общее с вальсом, но сильно тошнит.

Горы — фи́га истории в долгом кармане:
греки, турки, абхазы, адыги, армяне...
Кто куда — а история насмерть стоит!

Что ж, в природе людей уповать на природу —
благодатную! — благо, что сил у народа,
сколь не выдаст под силой прибоя гранит.

И у каждой долины во чреве легенда.
И дорога свивает рожденных как лента.
И душа обретает законченный вид.

3.

Серпантин — метафора? Почти:
Сжатая в кулак спираль. Прочти
Все молитвы — в теле здоровый дух,
Но сюда б не помешало двух.

Красота, как будто нараспев
Горы создавали руки дев,
А непримиримая река
Затянула в стрежень облака.

Тень самшитов — плотная, как сталь,
Выкована, чтобы вставить даль
В вековую раму — в ножны гор.
Чуешь? Неуместен разговор.

Над скалой легенды ореол.
Точно Божий перст, простерт орел.
И ведет тропинка напрямик
В те места, где дольше века миг.

4.

Как в позапрошлом веке загорали?
В волошинские, скажем, времена?
Не спрячешь нынче мелкие детали,
что говорить о крупномерных па...

...паноптикум генетики и моды,
разоблаченье недостатков тел —
всё принимают на засолку воды.

А пляж красив, когда он опустел.

5.

А сегодня над всем побережьем вождь —
дождь.

6.

Как не дано предугадать —
так не дано и наглядеться.
Псезуапсе впадает в детство,
а ум впадает в благодать.

И, как подметил Айвазян,
у моря не найдешь повтора.
Фотограф с выраженьем вора
несет оптический капкан.

Для всех у берега свой срок:
здесь в пять утра засилье чаек,
а вечером — подстилок, чарок,
окурков и газетных строк.

Лишь ночь нейтрализует сонм,
под бесконечным одеялом
вбирая в чрево что попало —
влюбленный шепот, камни, сон.

Дагомыс, Летняя, 36

ОДУШЕВЛЕННАЯ ПРИМЕТА

1.

Похоже, пережили зиму.
Художник воспевает двор —
А в нем сирень и бабу Зину,
И воробьев истошный спор.

В картине застревает время —
Как гвоздь изогнутый в стене.
Весна — пронзительное бремя
На бабьей сгорбленной спине.

Глаза слезятся. Рвется голос,
Припоминая — жизнь лиха.
Уже не тает снежный волос,
А молодость еще глуха.

Художник гонится за светом.
И — плагиатчик соловьев —
Поэт не слушает советов,
Тем более — декабрьских слов.

Старуха молится за младость —
За слепоту и глухоту.
Весна — пронзительная радость
Травинку поднести ко рту.

2.

Сходили старые сугробы,
Чернея, открывали срам,
Навстречу из больной утробы
Сквозь мусор к солнечным мирам

Спешила зелень. Мы спешили
(Часы, и те глотают час)
На переходах сухожилий
Ловить тепло, как в первый раз...

И столько глупости счастливой
Вдруг вышло на земли излом,
Доверчиво и торопливо,
Как в сказках на борьбу со злом —

Что стало ясно даже деду,
Трясущемуся ворчуну:
Весну встречают как чуму,
А проживают как победу...

3.

Когда сбегает молоко
Из молодеющих кувшинов,
Стучится веткой жизнь в окно,
Разглаживаются морщины,

И нарастает, как волна,
Стихия зелени и шума,
А гормональная война
Столь безнадежна, сколь безумна, —

Становится весомым лишь...
Об этом — сбивчиво — за чаем
Заговорю с тобой случайно...
Ты не случайно промолчишь.

4.

И даже тот, без обоняния,
Немного шаг замедлит подле,
Когда черемуха — бескрайняя
Как жизнь, как для ребенка поле, —

Вдруг выбросит на холод ветреный
Такую нежность неземную,
Что даже тот, самоуверенный,
Под нею сбросит шлем и сбрую...

И даже тот, кому ни храмы, ни
Стихи не поднимают зренья —
Почувствует ее дыхание,
Как обнаженное горение.

Казалось бы — ну что, черемуха?
Одушевленная примета...
Как любит холода — без промаха —
Как я люблю ее за это.

5.

Школьный дворик спального района.
Пес, роняя пену, рвется к кошке.
Здесь минутой раньше были крошки
Воробьям ниспосланы с балкона.

Кадры, кадры, кто кого проглотит,
Кто кому укажет место в храме.
Вроде приходим плоть от плоти,
А по фактам судя — брань от брани.

А когда берешь меня, как если б
Собирался разорвать, ударить,
Понимаю — мы с тобой — в угаре —
От огня огонь, от песни песня.

6.

Подснежники из-под золы.
Земля седа, как поле брани.
Мытарства солоны и злы,
Но лес затягивает раны.

Мальчишки торопливо рвут
На трехрублевые букеты.
Но лес спасается и тут,
Взрываясь ландышами к лету.

Вот так и я — хоть жги, хоть рви,
Хоть выворачивай с корнями,
Цепляю небо якорями
Неиссякаемой любви.

PHOENIX TEMPUS

1. Время памяти

Анатолию Я.

*А я, когда он лучшее читает
на завтрак собутыльникам и птицам,
вдруг чувствую спиной, что не чета им...*

Черствый край небольшой планеты.
На погосте — хоть волком вой —
Мы не боги, а так... поэты,
Прорастающие травой.

Жаром слова не остановишь
Остывания тела. Стих —
Это сила, какой дано лишь
До костей пробирать живых.

Но, покуда встречаю солнце
На бескрайних полях страниц, —
Ты, прочитанный мной до донца,
Ловишь капли с моих ресниц.

2. Время писем

Сергею В.

Сложить бы время, то, когда писали
Они друг другу письма! — и невмочь,
Не обойтись, бывало, без паскалей,
Завернутых в иронию и проч,
И не уснуть, покуда не свалилось
Какое-то подобие стихов,
Особенно едва она влюбилась
По глупости, до первых петухов,
А он, ломая о сознание гири
И простоты, и тяжести сей мглы,
Не мог спасти, не мог оставить в мире,
Дарующем лишь острые углы...
Она была порой невыносима
В прямом значенье, в смысле, он не мог
Избавиться от мысли, будто сила
Направлена его была не впрок,
Но все же расстояние помогало,
Оно снимало дрожь, и пот со лба,
Ей так и не пришлось увидеть жало,
Которым жестко правил он себя...
Сложить бы время, то, когда читали,
И обменять на несколько секунд
Молчания в языческом портале,
Где единицы измерения лгут —
Но шли года, и дружеская мука
Не старилась, отнюдь, наоборот —
Они решили, что одна разлука
Не убивает, не крадет, не лжет.

3. **Время мертвой воды**

Владимиру М.

Он пьет, не выходя из дома.
За всех, о Боже, за тебя,
За страх, за горе, за надломы,
За власть насилья и тряпья.

Он озверел; его коллеги
Давно боятся навещать.
Таких надорванных элегий,
О Боже, не сдают в печать.

Под утро мнится избавленье —
Когда сквозь тошноту, озноб
И ломоту в глазах, коленях
Он видит свой дешевый гроб,

А возле — маленького сына
И плечи черные жены.
Он опускается бессильно,
Его глаза обожжены.

И, зарыдав беззвучно, остро,
Как в детстве плачут на груди,
Он покидает этот остров.
О Господи, не осуди.

4. **Время живой воды**

Ивану Е.

Середина Волги. Острова.
Малый рай поволжских робинзонов.
Здесь природа — как любовь — права,
Обходясь без правил и законов.

За бортом осталась суета.
Лаконичен быт — палатки, лодки,
Стол дощатый, баня. Красота.
Разум растворяется без водки.

У костра петляет разговор.
В полдень на матрасах спят вповалку
Те, кто на реке — плывя вдоль гор —
Три восхода встретил за рыбалку.

Да, привет Египту. Верю, там
Есть иные радости и страсти.

Ходит свет за мною по пятам —
Я готовлю для рассвета снасти.

5. **Время иллюзий**

Александрю К.

Мой друг, на фабрику иллюзий
Всегда открыт парадный вход.
Воображение есть шлюзы —
Плыви, мой белый теплоход,

Течению навстречу — выше,
Туда, где жив еще Икар,
Любовь слагает мифы, вирши,
Верстает двадцать пятый кадр,

Где Эрос, тела не касаясь,
Несет Психею в райский сад,
Где еле видимая завязь
Мудра, как поздний виноград,

Где ты и я, сплетаясь в узел,
Неразделимы и верны...

Мой друг, пред фабрикой иллюзий —
Как перед смертью — все равны.

6. Вне времени

Игорю Р.

Наши руки по Питеру целый день,
Как мосты, острова скрепляющие, ходили.
Вспоминать о будущем было лень,
Различать элегии и идиллии.
Как Нева ни выглядывала из-за туч,
Как ни бился над ней дирижер Мариинки —
Питер в знании оттисков столь могуч,
Что легко прессовал из минут картинки.
Мы без времени шли, и единый дождь
Диктовал скорость шага и направление.
Не от холода внутрь проникала дрожь —
Мы оправой служили ей, обрамлением.
Так либретто слагается из вершин,
Меж которых проложено русло страсти.
У любви есть для времени свой аршин —
Расстояние между «прощай» и «здравствуй».

7. Прочие минуты

Михаилу А.

Сбегая по невидимому склону
К неведомому сверху роднику,
Несу как свет безумия корону
И за собою ангела влеку.

Все дальше звуков рваная рубаха,
Здесь тишина как золотой бисквит,
А время не ползет как черепаха —
Как палочка в руке моей — летит,

Здесь ощущенья отпускают вожжи,
И тяготенья вместе с ними — прочь.
У ангела под мраморною кожей
Все явственнее проступает ночь.

Припоминаю — до рожденья было? —
Стремление к покою и концу,
Но крылья рвали пустоту и били
Мне в спину, и наотмашь — по лицу...

И вот я здесь... карабкаться... хвататься...
За каждую ошибку отвечать
Перед собой, как будто нас двенадцать,
И наготове палица-печать,

Любить простор и наливные сливы,
И тот момент, в котором музыкант
Уже создал миры и переливы,
Но им еще не надо языка,

И то мгновенье, яркое как ярость,
Когда я — змей, орел, гортанный крик,
Тону в любви, как в молодости — старость, —
Уже не нужен мудрый мой язык.

Так для чего мне прочие минуты?

Родник невидим, но его кому-то
Безумием питать сто тысяч лет...

Искать вопросы, коль ответов нет.

БОГ ЦИНИЗМА

Все было пасмурно и серо,
И лес стоял, как неживой,
И только гиря говномера
Слегка качала головой.

А. Галич

1.

Человек придумает катастрофу
На ровном месте.
И Христа, идущего на Голгофу,
С Сизифом вместе.

Он избавит пса от голодной муки,
Змею пригреет.
Телеграф захватит, заломит руки,
Вздыбит на реях.

Человек предаст и убьет по вере.
Остра закваска!
А еще он сидит на скамейке в сквере —
Мурлычет сказки.

Описание мира ведет к печали.
Тем паче, слово
После крика (и Вы — кричали),
На все готово.

2.

На обочине пыльной в невеликой юбчонке терпеливо, двужильно голосует девчонка. Может, ей надо в город, может, в светлую юность — на деревне кто молод?.. Жизнь спиной повернулась. Дальнобойщички крепко матерятся в ухмылку. Видно, девка не репка, не положишь в копилку. Чай, найдется автобус, терпеливый попутчик, запылившийся глобус повернется к ней лучшей из сторон. И не станет ей судьба бить коленки. И студент не обманет, лишь взаимно, маленько. И она не упустит инженера и визу. Будет пусто и густо от зарплат и капризов. И когда всем семейством навестят захолустье, встретит их только место — пересохшее устье.

Где взрослеет ручонка — перебить эту силу?! Голосует девчонка. Умирает Россия.

3.

И если б здесь не делали детей,
то пастор бы крестил автомобили.

И. Бродский

Ты чувствуешь, что здесь живет родня,
Пробыв случайно в городе три дня,
И прямота его почти уместна.
Так молодость решает налегке,
Что будет новый всадник на реке,
А имя итальянца — это лестно.
Ах, юность, юность, все бы осмеять!
Наш мир похож на школьную тетрадь —
Работа над ошибками — и снова
Цепляем ладный парус кораблю:
История чудес равна нулю,
А значит, к исправлению готова.
Да, город молод, и притом всегда
(Хоть постарели все, кто шел сюда
За новой жизнью, вазовской квартирой) —
Поскольку нарастить культурный слой
Сложнее, чем прогнуться под судьбой
И согласиться с ролью дезертира.
Здесь Гоголю на серой пленке луж
Мерещился бы призрак мертвых душ,
Но нынешний писатель видит стрежень.
Избыток дыма над изломом крыш,
И то, как вскользь об этом говоришь —
Подчеркивают пролетарский стержень.
Измучаешь коробку передач,
Пока эвакуируешь до дач

Язык — как будто там обитель воли...
Здесь матерятся так, и так, и так...
Я в том числе, на образы мастак.
Здесь Чехов язвой бы лечил от боли?

Прости, мой друг, за злую прямоту,
Бежать бы с ней от слова за версту,
Но такова любовь к родному дому,
И вряд ли мне дано уйти к другому.

4.

*Интеллигентам и прочим ниже среднего класса,
а также Самарской области образца мая 2007 г.*

Что творится с руками?
Ишь, не держат стакан.
На столе Мураками.
Под столом таракан.

Соболезнуя мэру,
я вчера перебрал.
Жалость надобна в меру,
а не в русский аврал.

Кости вымоет устно
просвещенный народ.
Но не будем о грустном.
Жизнь стремится вперед.

Надвигается саммит.
Вон — фасады блестят.
Туалетишко занят
парой шустрых ребят.

Я не средний, я ниже.
Класс, в котором теперь
не летают в Парижи,
деньги копят на... дверь.

Пара высших дипломов.
Две работы, жена.
Вроде бы не обломов,
так какого ж рожна...

Но не будем о грустном.
Жизнь стремится вперед.
Кто не ищет капусту —
тот дорогу найдет.

Вот и свежей разметки
ариаднова нить.
На обочине меткий
безопасность хранит.

В деревнях пес не кажет
на дорогу свой нос.
Вряд ли снайпер промажет.
Неохота вразнос.

Пусть уж лучше пшеница
да морковка сгорят.
Собирались жениться?
Помирать? Не велят.

Жгут упрямые факты.
В целях саммитских благ
человеческий фактор
помещен в саркофаг.

Дорога безопасность,
а дорога скудна.
Как прослушивать — гласность.
Слушать пульс — тишина.

Президент видит дальше.
Я ж не вижу ни зги.
Жаль, седеют от фальши
молодые мозги.

Но не будем о грустном...

5.

Российской брутальности

Говорят, мол, пьет шампанское
Он из лона королев.
(Ах, манеры хулиганские
Покоряют видных дев).

Говорят — мол, все, что движется,
Сударь метит наугад.
(Между тем, держава пыжится
Патриоту дать награда).

Говорят, жена-ревнивица
Прибрала к рукам доход.
(Потому он и не силится
Улизнуть сквозь черный ход).

Журналисты идиомами
Обложили — не пройти!
(Мечут молниями, громами —
Впрочем, в мировой сети).

Говорильня — наша, русская,
От других отлична — смех!
(Чем? Без мыла влезет в узкое,
И туда затащит всех).

6.

Сожгли десятка три бенгальских свеч.
Китайские салюты рвались в ноги,
но милосердны оказались боги —
а боги чьи? — так не об этом речь.

Деликатесов море; также — дичь.
Пугают кризисом тв-экраны,
мы верим им, хотя и не бараны,
мы — верим! — только не об этом спич.

Горели елки тысячью огней.
Все ждали снегопада. Ни снежинки!
И загадалось, чтобы половинки...
что толку от любви?! — но всё о ней.

Да, бросим всех, рванем на острова
какие-то в каком-то океане.
Сообщниками станем по нирване —
забудем все, и в том числе — слова.

Но ведь не бросим? Дом, семейство, кот.
Простое, человеческое, земное —
под новой не обношенной зимою...
За новый год!

7.

Маленький городок. Не Европа.
Назло двум президентам и ста ментам —
Сердце большой страны или (другой орган) —
Живут и там.
Зато не укладываются в парадигмы —
Почему? Рассказывать не берусь,
Но смеются над тем, что пока еще живы,
И без всякого там пафоса, позы, грима,
Будто все дороги ведут из Рима —
Держат Русь.

8. Каждой твари по паре

*

Жаль, у молодых страданий
Нет переизданий.

*

Начинающие боги,
Пересчитывайте слоги!

*

Где таланта на четверть страницы,
Там на армию взглядов — ресницы.

*

Мона Лиза смогла без ресниц
Захватить миллионы страниц!

*

Графоман — бескорыстный герой:
Просто так наживет геморрой.

*

Стенаньями проела плешь.
Не ешь страдания, не ешь!

*

Господи, пламенной чаши
Чаще мне, чаще мне, чаще!

*

То, что зреет долго, робко —
Вылетает словно пробка.

*

Рыба ропщет на судьбу
За голодную губу.

*

Клялись в любви до гроба.
И не дожили — оба.

*

Где скитается Адам?
Я ребро ему отдам!

*

Петух сегодня хмурится.
Но я — слепая курица.

*

Все мироздание — фигня,
Когда в кармане нет огня.

*

Искрится на все голоса
Роса.

*

Не устану слушать, даже
Если все на свете — лажа.

9.

К истории русского вопроса

Ты понимаешь к тридцати,
Что не бывает белых пятен,
Что мир особенно приятен
С текилой, солью, ассорти.
Интеллигенция — куда ж
Нам с тесной кухни удалиться,
Разочарованные лица —
Наш знак, отеческий купаж.
А к сорока того острей —
Ты понимаешь, что бессилён,
Хотя ещё любвеобилен,
И ждешь на ветках снегирей...
История как оборот,
Циклическое повторенье,
Уже не портит настроенья —
Оно и так не первый сорт.
А что к пятидесяти? Гам
Блуждающих во тьме подростков,
Друзей редееющая горстка,
Один вопрос ко всем годам.
И невозможно, но пора
Найти ответ, хотя бы ржавый...
Люблю ли я тебя, держава,
Хочу ли я тебе добра?..

10.

Приехал цирк провинциальный,
Где клоун, силач — одно лицо.
И фокусник не гениальный,
И у гимнастки пальтецо
Страдает на веревке рядом
С пеленками и простыней,
С поношенным ее нарядом,
С ее сверкающей броней.
Здесь неуместна спесь и жалость —
Пот циркачей есть соль земли.
Они внушали людям радость
Так трудно, честно, как могли.
И горожанин, через призму
Улыбки глядя, молодец.
Приехал цирк — и бог цинизма
Вдруг оказался не у дел.

РОДИНА ЗВУКА

Простенький мотив

Катюше Котовой

Девчушка научилась издавать
Пять звуков; пять! И простенький мотив,
Который не сочли бы гениальным
Ни в веке восемнадцатом, ни позже.
Но так подробно, искренне рука
Окрашивала звуки любованьем,
Что слушатели верили: сейчас,
Презрев законы летоисчисления,
Сам Моцарт, напевая, выйдет к чаю.
Конечно, Амадеус не явился,
Но смех его вальсировал по зале
И чьи-то слезы смахивал с ресниц.
Ребенок в ту минуту не на сцене,
А где-то между ливнями седыми
И носиками ландышей прозрачных
Читал его бесхитростную суть....

Под сводами, Гусь-Хрустальный

«... в этот храм я вложил все, что мог, и, может быть,
он останется лучшим из моих творений»

Л.Н. Бенуа

Под этими сводами — Родина звука.
И малая пристань для хрусталя.
Хождение матери нашей по мукам —
Почти затянувшаяся петля.

На Страшном суде Васнецовской породы
(Однажды увидишь — и навсегда)
Застыли глаза не Христа, но — народа,
Которому страх нужен как вода.

Лишь музыка слабым звучит оправданьем,
Молитва, застывшая в гранях ваз...
Собор обезглавленный — символ страдания,
В Россию входящего через нас.

* * *

Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

А.С. Пушкин

Наша песня растянулась вдоль дорог,
Где колышется ковыль и разнотравье,
Где покоится, ветшает хуторок,
Поднимающий рассвет за наше здравие.
Наша песня — туго сжатая спираль,
Диафрагму держит, направляет выдох.
Нашей песне никогда певца не жаль,
Ибо тот в почете, кто от боли высох...
Что за корни у народа моего,
Что за спаянность терпения и муки...
Он готов отдать любви себя всего,
Но любовь отдаст за упоенье звуком.

* * *

Послушайте совета скрипача,
Как следует стреляться сгоряча:
Не в голову, а около плеча!
И. Бродский

Настрой виолу. Глядя в пустоту,
как будто в ней источник всех чудес,
как будто в ней нащупать просто ту,
которая невидима, но здесь,

которая неведома, но так
пронзительна — захватывает дух,
и звук снимает кожу как наждак,
но к остальным касаниям ты глух,

и в превосходной степени глагол
не кажется порогом языка,
и сам язык новорожденно гол —
но музыка к значению близка, —

настрой виолу, глядя в пустоту,
чтоб заглушить скрипение зубов...

Так звери чуют жертву за версту —
Любовь.

1.

Время, время, где ты, где ты?
Поле тянется сквозь лето.
Поперек него — дорога,
Точно рог единорога.
Тряска, тряска, в горле вязко.
Издают шипенье связки.
Жесткий воздух жарит птицу,
Пассажира и возницу.
Два водителя — башкиры.
Медленной езды факиры.
А от Белой вплоть до Волги
Небеса глубоки, долги.
Время, время, где ты, где ты?
Жизнь впадает в лето, в Лету...

2.

От доньшка небес до дна
Разбуженной реки —
Не ливень — плотная стена.
Не суша — островки.

Два месяца такая сушь
Держала за грудки,
Что чудом не лишились душ
Колодцы, родники.

Стихия — тоже человек
Характером своим!
Чем дольше воздержанья век,
Тем яростней нажим.

И, прогибаясь под водой,
Вся тяжесть впереди —
Деревья молятся — постой,
Земля хрипит — входи!

Восторг и ужас — два крыла.
Играет туш поток.
А дирижер добра и зла —
Как вечность — одинок.

3.

Вторая полка. Рай: плацкарт.
Соскоб напротив глаза —
искусство (или резче: арт!) —
наскальное, зараза!

В каком столетье, как зовут
бесславного героя —
а что, не падала ли тут
при торможенье Троя?

Я человек, он — человек,
наполовину звери.
Вот, например, который век
ломаем копья, двери,

преграды на пути к любви,
потом ее — играя.
А много ли еще? Увы,
для счастья мало рая.

4.

Твои зрачки оставляют след,
как пальцы, вжавшиеся в запястья.
О, как могла бы в тебя упасть я,
как над тобою могла бы зреть!

Смешав дыхание, второпях,
не расстегнувшись — немного грубо
вели б сражение наши губы
за сантиметры из-под рубах...

И тяжесть зова, сгущая кровь
до сумерек грозового утра —
переводила бы в звуки ультра
приговоренную к нам любовь...

5.

Как долго управляла тишь!
Природа отверзает лоно.
Во власти мощного циклона
Ты, сорванный с петель, летишь —

Как плотен вдох, как кислород
Одежду превращает в крылья,
Листвой порыв играет, пылью
И криком наполняет рот.

Мерещится — легко парить.
К земле привязанные змеи —
Готовы все, что здесь имеем,
Отдать за порванную нить.

Готовы ли?.. Тщета... отчет...
И ставит на полях забвений
Любовь — неумолимый гений —
Рукой отеческой:
зачет.

6.

Не писала, поскольку сто тысяч дел,
из которых любое объемом с ночь.
Да, ты прав, так нельзя. Это беспредел.
Нет, увы, ты не сможешь ничем помочь.

Я читаю Кундери. Хороший слог.
Иронично вскрывает тела людей.
Также — Павлову. Кажется, есть итог:
превращение в худшую из идей.

Не волнуйся, не пью. Тьфу, тьфу, тьфу. Жара.
Комары этим летом почти слоны.
Душит чувство, что виделись лишь вчера,
так реален во рту вкус твоей слюны.

Руки помнят вернее, чем голова.
Хорошо, что у памяти много глаз.
Хоть один, да останется. Что слова,
если на письмецо не поставишь клякс?

Если всей-то поэзии — не набрать
на полночи, на ложе, где справа — ты?
Если с каждой страницей все проще врать,
содрогаясь от приступов правоты...

7.

Квартира на последнем этаже —
Чтоб не ходить ночами в парандже
И видеть небо — не соседний улей, —
Палить в закат восторженной пулей:
Квартира на последнем этаже.

Балкон пустой — лишь кресло да тетрадь,
Чтоб иногда из кресла не вставать,
Ну, разве, за вином и сигаретой, —
Пусть будет он моей простой каретой —
Балкон пустой — лишь кресло да тетрадь.

Громоздкий шкаф на тысячу томов,
Чтоб рядом обитала тьма миров,
И ты — мое тепло, моя надежда, —
Чтоб чувствовать, что я почти невежда —
Громоздкий шкаф на тысячу томов.

Чтоб закрывались от любви глаза —
Полурассвет, дрожащая слеза...
Квартира, небо, кресло, сигарета:
Четыре сумасшествия поэта.

.....

100 СТРОК О ГОА

Вращение небес неукротимо,
И самолет несет как вороной.
Века и страны проплывают мимо.
Гоа встречает влажной пряной тьмой.

Прочь сапоги! В России жесткий минус,
И март, близнец, по сути, февраля,
Свирепствующий хладнокровно вирус...
Целует ноги красная земля.

Отель иль зачарованное царство?
Балкон парит меж крепких пальм в тиши.
Рассвет на океане, здравствуй, здравствуй.
По капле изливайся, не спеши.

Цивилиза... похожа на медузу.
Мгновенно исчезает на песке.
В каком-то смысле Робинзоны Крузо,
Тюлени с оком вечности в руке,

Без грима, без осанки и без маски,
Взлетая по-над ласковой волной,
В каком-то смысле персонажи сказки
О рыбке золотой.

Индийцы сыплют русским сплошь и рядом.
На пляже не навяжут разве соль.
А вот что в первый день казалось адом:
От слова «нет» на языке мозоль.

На пляже масса зрелищ: вот коровы
Ленивой вереницей по песку,
Вот нищий инвалид ползет сурово,
Волочит неподъемную тоску,

Вот крошечный чернявенький мальчонка
С сестрицей лет пяти в тарелку бьет —
А девочка с протянутой ручонкой
Танцует и тонюсенько поет,

Канатоходец, надрывая жилы,
Показывает трюки по пути —
Не человек, а мощная машина. —
А человеку меньше десяти.

Здесь все худые: белочки, собаки,
Вороны, коровенки, старики...
Обочины суть мусорные баки,
Дороги, как веревочки, узки.

Снуют подобно муравьям мопеды,
Стоит галдеж — собьют — ничьей вины.
Но, видимо, питомцы Аюрведы
Спокойствием орлов награждены.

Бесчисленное множество кафешек
И лавочек, и простенький развал.
Ганеши, Будды, слоники — кромешно.
И трескотня радушных зазывал.

Платки и шаровары, сарафаны,
По ценам — воплощенный коммунизм.
Рукой подать от гвалта до нирваны...
Подкатывает к горлу оптимизм.

Национальный бизнес: схема вкратце.
Начальная цена — дели на пять
И начинай неспешно торговаться,
И делай вид, что, мол, готов сбежать.

Тогда, путем дотошных уговоров,
Всю волю напрягая и мозги,
Дойдешь до середины — но не скоро.
А истина маячит впереди.

В национальной кухне прорва карри,
Морепродукты, рис, фруктовый шик.
Иршад нам представляется как Гарри
И долго приглашает в свой бутик.

Нацпарк. На узкой тропке к водопаду
Туристы кормят толпы обезьян
Орешками и луком — это ж надо!
Лубочный не в почете здесь банан!

«На специях» спасут от диабета
Листочком карри. В знанье — бездна света:
Вот ананас — трава. Торчком стоит.
Вот ванилин. Растет как паразит.

Индийцы мочат в океане ноги,
А русские ныряют от души.
Слова здесь рассыпаются на слоги,
А волны усредняют эхо — шшшии...

На белых женщин юноши глазают,
От удивленья раскрывая рот.
Хозяева и гости — ротозей.
Дуэли фотокамер: чья возьмет?..

Который день в природе воскресенье?
Из всех часов работает закат,
Такой красивый, что его явленье
Все побережье ловит нарасхват.

А солнце щедро плещет золотишком —
То белым... то червонным... льет пурпур.
Закат такой красивый — даже слишком.
Попытки описать его — сумбур.

Ночная жизнь — на берегу кальяны
Рассыпались, как рой мотыльков.
Туристы — все — расслаблены и пьяны
Скользящим сном о мире без оков.

Под утро — скороспелое затишье.
Раздолье для собак, голодных птиц.
И человек, похоже, третий лишний.
Сдувает ветер пепел со страниц.

...Там, где нас нет — сегодня, как и завтра,
Как век назад и сотню лет вперед —
И океан, и чаек гвалт на завтрак,
И скуден ужин, да велик народ.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

* * *

Переходный возраст длится
без начала и конца.
Что изнашивает лица?
Выражение лица.

* * *

А когда ты станешь зрелым,
горьким, ядовитым, тучным —
вспоминай, как мама грела
кашу и пилила скучно.

А пока держи осанку,
запивай томатным соком
тошнотворную овсянку
и считай себя высоким!

РЕТРОСПЕКТИВА

Питеру

Мосты сомкнули губы. Львиный зев
красоткой из провинции обласкан.
Бежать от тлена старости, присев
на вечную минуту! Серый лацкан

залива отутюжен для картин
студентов Академии художеств.
Границы ночи стерлись; дикари-
влюблённые болеют ломкой тождеств.

Бульжники, ввезенные назло
природным основаниям — припали
к останкам безымянным. Их число
превысило объемы стылых спален...

...Но город врос в болото, в небо, в век
страдающего ростом Просвещения,
как в сплавы — двухметровый человек,
безумец, всей державы воплощенье...

* * *

Женщины серебряного века!
Знавшие искусство и искус,
Орхидеи в коже человека,
Певшие серебряную грусть,

Танцовщицы, тонкие актерки!
Вздрагивал прославленный поэт —
ах, как вы распахивали створки —
ах, как вы раздаривали свет!

Кто вас помнит, высланных, сраженных,
Выскобленных тщательно! Париж?
Впереди проспект умалишенных —
Памяти лишенных, окон, крыш!

Иногда подрагивает веко —
Неужели это мы с тобой?

К женщине серебряного века
На свиданье — движется — герой!

* * *

Давай-ка напечем блины
Из гречневой муки.
И будем, будем влюблены —
Как в сказке, будем влюблены,
Как дети — в колобки.

Давай семейное тепло
Попьем, как молоко.
А то, что по усам текло,
А то, что по щекам текло —
Забудется легко.

Давай поставим дом складной
На берегу реки...
Из солнца и дождя, родной,
Из гречневой муки, родной,
Из гречневой муки...

Безоружная

Я не держала в руках оружие.
Власть ощущала лишь на бумаге.

Всей-то, накопленной впрок, отваги —
пережить тишиной орущее,
бьющее в грудь молодое племя.

И, по ночам воздавая сторицей
стонам любимого, не расстроиться,
коль поутру он бежит из плена.

Хвост, небольшие жабры, перышки
вдруг ощутить в материнском ложе.

Ангела, в общем, родить не сложно.
Но удержать тягу к небу в зернышке!..

* * *

Позабыть бы твое лицо...
Фотографии — ретушь, глянец...
Стать бы сволочью, подлецом,
Обезьяной-пройдешь-не-взглянешь,

Ледяной воздвигая трон,
Не почуять, как под одеждой
Обжигает со всех сторон
Душу глиняную — надежда.

Простые письма

Стану писать простые письма.
Весь лексикон растащили свыше
стихослежением — ныне, присно,
но не на веки. Подали выжить.

Видимо, действие хлороформа:
вижу не то, что хотят другие.
Будучи плотно зажатым в форму,
чувство подобно птенцу на гриле.

Встреча с минувшем бывает долгой,
так что теряешь надежду выплыть.
Справа обычно кричат о долге,
точно напротив решают выпить.

Центром конфликта бросаюсь в омут
тихих пожаров осенней рощи,
в письма, которыми сложно тронуть
руку — но вытравить душу проще.

* * *

Оранжевый день. Из тех,
в которые пишешь чушь,
предпочитая смех
прочим наплывам чувств.

На что ни направишь взор —
становится дорогим
либо минувшим: сор,
детство, любовь, враги.

Чахоточная зима,
злоупотребленье дном
горя, что от ума —
лечатся ярким днем.

* * *

Фобия жизни падет на лист
Грозотворением, стихозвучием.
Мир до краев в мой бокал налит
С первой попавшейся в небе тучи.

Спички пожалуй в корабли.
Жизнь поперхнется моим восторгом.
Твой секундант накануне «пли»
Выбьет оружие с воплем «здорово!»

Дрогнет рука у кривого рта.
Выскользнет шея из-под веревки.
Там, где последняя жжет черта,
Стану — у самоубийц — воровкой.

* * *

Я за маленькое убийство —
за молчание — поднимаю.
И, в подарок больному маю,
лист — до девственного чистый.

Так уж плохо? Ни грана правды,
но и лжи ни единой строчки.
Это быть до предела точным,
отмеряя себе отраву

распускающейся сирени,
вечеров одиноко пьяных.
Столько слов — а послать к чертям их!
И раздвинуть твои колени...

С.В.

Нам не жить на соседней улице,
не встречаться случайно в хлебном,
и под взглядом — ах, не сутулюсь ли? —
не держать позвонками небо.

Не высмеивать зло деяния
за свою непричастность к оним,
за соломинку одеяния
не хвататься с гортанным стоном.

Соль земли не терпеть под веками,
откровенность не прятать в урну,
чтоб ее через четверть века не
признавали литературной.

* * *

Сужайся, мир! До малых впадин
под скулами, до уголков
упрямых губ, до угольков
горящих глаз, до мелких ссадин,
до жаркого — во тьме — «моя»,
до междометий — уже — гласных —
входи — владей — чужой, опасный!..

Так ядовитая змея
из четырех углов кольцом
сжимает человеческий атом,
что ищет эхо взрыва в пятом
углу — за письменным столом.

* * *

Вероятно, старение — польза,
Приглядишься и дыханьем согрей:
Вот рябина готовится возле
Остановки кормить снегирей,
Вот трамвай Гумилева по краю
Всех времен нас везет до любви,
Вот иллюзии перегорают,
Что не думай, что не говори.
Ты несешь эту мудрость в котомке,
И спасенья, и выбора нет —
Друг, тебя прочитают потомки,
И решат, что не слабый поэт.
И давай биографию дергать —
С кем он, как он, кому, да куда?
И найдется, наверное, деготь,
И какая-нибудь ерунда.
Да плевать, да пускай, на здоровье!
Ты не скроешься, не убежишь
От сословия, друг, от со-словья —
Жесточайшего голода — шиш!
Ты обязан без всякой причины
Ежедневно, как вол, как Сизиф,
Поднимать и тащить на вершину
Вдохновения тяжкий прилив.

* * *

Придумай миф ночной, что дождь — не дождь,
но чуткий шелест крыльев серафима,
мурашки, шепот шелковый — придешь?
Не дождь — но сверхъестественная сила,

что держит мир, заботится о нем,
смывает липкий пот с тягучих улиц, —
придумай миф! — чтоб обнаружить днем,
что мы во сне ничуть не обманулись.

На причале

В.Б. Коробову

Вот фото; приглядишься, и ты поймешь,
Что важен фон, а не моя персона,
Что человек, король он или вошь, —
Лишь орган слуха, зрения и — стона.
Я повинуюсь зову и зову —
Хоть не нужна ни морю, ни закату,
По гамбургскому счету, никому —
Нет в мире ни вины, ни виноватых.

Заметит ли природа мой уход?

— Я — чайка!

Голос: — Леди, вы кричали?

— Цитировала Чехова.

— Вот врет.

Под снимком лаконично:

«*На причале*».

* * *

Мой старый плед — свидетель, соучастник,
Анестезия, бережный приют,
Мой срок — каких за нежность не дают,
Хоть будь ее неограничен трафик...

Я — человек со множеством причуд,
Он — ткань моя, и мной очеловечен,
Он, как и я, и уязвим, и вечен...
Суть данной вещи в близости к плечу,

Но роль ее оправдана не мною.
Любовь — способность выделять тепло,
И клеточкою каждой заодно
Дышать — как плед — с тобой одной судьбою.

* * *

обрывки мыслей, псевдосуэта
и осень! — по сознанию кнутом
а раз уж я по осени не та,
так и пишу (логично?) не о том

природа не идет под карандаш,
но — вся — уподобляется холсту
и мнится — даже творчество отдашь
за шанс рукой довериться листу

ты видел, как ржавеют поутру
деревья — непреклонно — сверху вниз?
смотри! через мгновение сотру
эскиз

* * *

Асфальты, покрытые мелкой сетью
плевков. Припозднившийся тусклый шар.
Друзья на прощание машут плетью;
и всё, что на шее — петля ли, шарф —

необязательное искусство.
К пяти притуплённым, как старый нож,
затравленно жметса шестое чувство
себя, как чужого — куда не вхож.

Любая система помрет без связей.
Но я — воплощение искл. из прав.
Здесь кто-то заказывал эвтаназию?
Исчеркана полностью («к» исправь).

* * *

Когда б слова, как мрамор, форму
держали цепко,
когда бы смерть давала фору
юнцам и целкам,

когда бы власть определений
не зрела в массах,
а мозг не чуял отделений
души от мяса,

то непременно человечье,
слагая части,
не получало бы увечья
под грузом счастья.

* * *

Статисты страшно тревожат нервы.
Ведь достоверно по существу —
здесь, по статистике, каждый первый
способен сдохнуть. А я — живу.

Пищу, подписываюсь, меняю
запасы шариковых чернил.
И с каждым словом себя сминаю,
но мир пока что не изменил.

Май гад, должно быть, усмешку прячет
поглубже в небо, за горизонт.
Там, видно, трудятся сотни прачек,
чтоб облака очищали зонт,

асфальт, ботинки, мои орехи.
Друг, открывая ин-сайт, терпи!
Поскольку, выделив «на орехи»,
Всевышний масла подлил в стихи.

* * *

Умолкли голоса; бесславный труд
вмещения потока речи в русло
дает остыть — так остывает труп,
так «горько» разжижается до «грустно».

Спокойное тепло осенних дней,
как старость, наблюдающая детство.
Уходит страсть, но семенить за ней
смешнее, чем перед толпой раздеться.

Пустое

Ночами шлю пустые телеграммы —
читай и комкай. Матерись. Не верь.
Во мне тебя — десятки килограммов
бессонницы и нежности. Теперь

я дальше горизонта. В этом смысле
едва ль смогу физически настичь.
Со скоростью отчаявшейся мысли
преследую строкой подранка-дичь,

скользнувшую на волю из объятий.
Сквозь сердце рвется с шумом слов вода —
чтоб одиночество поить — любя, и
за травмы вдохновением воздать.

Параллельное

Все же шутим порой о разности
наших судеб бредовых;
параллельные льнут реальности,
хоть упущен предлог их,

словно шпаги, скрестить; и незачем
ковыряться в альбоме.

Разве, вдруг прикинувшись неучем,
смять твой номер в ладони,

чтоб, когда не найдется повода
сжать разлуку до «здравствуй»,
тысячи километров провода
прокололи пространство.

Адам минус Ева

Многим своим убыткам
радуюсь, ибо ими
грезят теперь другие.

Выдержав страсть как пытку,
как катастрофу — имя,
не подаю руки ей.

Но — рецидивом — чьи-то
острые — в память — очи.
Простынь меняю с кожей.

Пара маневров — чисто.
Я, как и прежде, точен,
выбрит и подытожен.

День даст вина и хлеба.
Ночью, впадая в детство,
чувствую болью в нёбе

голос любимой — ей бы
вырасти по соседству,
да не хватило ребер.

* * *

Зрелость — как клинок — заходит в грудь.
Сыплются кленовые кровинки.
Мысленно: стоять! Держась за хруст
изморозью тронутой травинки...

Зрелость — как удача в спину — жах!
Мир качнулся, тронутый волною.
Что еще не видел в небесах?
Кто еще не маялся тобою?

Зрелость... не ходите девки за.
Малоутешительны прогнозы.
Тают одинокие глаза
зрелости — как волчьи. Волчьи слезы.

Редкая птица

Редкая птица сможет
с крыши быстрее тела:
воздух разрежет кожу,

вынув асфальт из ножен.
Так низвергают стелу.
Обмороки прохожих.

Вопли ненужной скорой.
Дело изучат (ленно).
Вывод кого-то сгложет.

Он, взяв билет на скорый,
сгинет на край вселенной.
Если, конечно, сможет.

Вот бы споткнуться оземь.
И пережить сердито
боль — обожженным слепком.

Чувствовать пошлость, осень,
павшую Афродиту
в каждой живущей клетке.

* * *

Я, ты и Бог. Кто ошибался на тот момент,
когда затеяли натальный эксперимент?
Цена — не довод. Не преграда. Один язык
ласкает словом небо, нёбо, твердит азы.
Изгибы, впадины и щели, и даже слух —
владения теперь имеем одни на двух.
А желчь в удвоенном потоке? А сухость губ,
когда отравлены все соки, и ветер груб...
Природа терпит повторенье недолго, чтоб
ударилась и лбы, и зренья не в, а об.

Поэмка о дне рождения и смерти

в который там несчетный раз
дружья с такими же годами
с таким же опытом зараз
и постзаразными следами

обнимут вилку и бокал
напьются по обычной схеме:
лесть-правда-искренность-вокал-
глубокий смысл в мельчайшей теме

и день рождения спадет
как шквал. навалится разруха.
изобретен ли антидот
для букв, слагающих «старуха»?

а те, кто нынче наверху —
соскучились? готовят место?
постойте, я еще сверкну
в губах, слагающих «невеста»

какая пошлость! не моя!
а этой... как там... героини...
она — и жаба, и змея,
и замок царский, и руины...

себя найти? бардак. тупик.
повсюду пища острословам.
что текст? коллекция улик,
гвоздей, к распятию готовых,

мета...морфо...ззз...мета...фор...фор...ммм...
диагнозов! неумолимых.
вот так господь дает любимых —
для убиенья на прокорм.

* * *

можно не писать белиберду
прятаться от осени в квартире
якающую в груди орду
вытошнить в дневник и смыть в сортире

не искать медведицу в ковше
не смотреть поверх своих сандалий
ждать, когда изношенной душе
станет первобытно, как создали

и, без языка, забыв пароль
к собственному ящику и сайту,
безупречно воплощаться в роль
че-ло-ве-ка-чуж-до-го-ин-сай-ту

Правда влюбленных

Как бы к тебе не льнула,
кем бы тебе не звалась —
в прошлом. Как тень прогула
школьного. Знаешь, малость

жаль, что не понарошку
лица сминают годы,
а для двоих окрошка
мешана на невзгодах.

Где-то на прежнем месте
(помнишь свой имидж зубра?)
храбро ведешь, но вместо
тела танцуют зубы.

Правда влюбленных ложна.
Честно желали — мы ли? —
большего, чем возможно,
меньшего, чем достигли...

* * *

Русский рэп —
Полудожь —
Полуснег —
Полуград
(На три четверти выброс завода).
Полон ненависти
Русский бог,
Русский раб,
Всепрощеньем щедра лишь природа.

* * *

Те же градусы после зимы — жара,
а сейчас пробивает озноб насквозь.
Относительность — луза (коль жизнь — игра).
Лбами бьемся об осень, как прежде, врозь.

У твоих горизонтов неровный край,
а мои отутюжены — степь да степь.
У тебя, по рассказам, типичный рай.
Ну, а здесь не соскучишься пить да петь.

Что ни слово — фольклор неземных высот!
Переводчик — потей, зеленой — турист.
Все равно русский мир красоту спасет
и, довольный, отправится покурить.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

* * *

Если в тысячный раз идешь на работу
По одной траектории, почти на ощупь,
Что-то типа робота-зомби, автопилота —
Неизбежно однажды влипаешь как кура в опцип.

И, когда неожиданно из астрала
О твои колени чужая плоскость,
Вспоминаешь, что лексикки все же мало,
Что тебя лепили-то не из воска,

Что какого черта любимый молча
Выпил кофе, начальник зажал спасибо,
Черный кот, будь неладен, соседка с порчей,
И подруга вырядилась красиво....

И какой-то сладостью високосной
Предстает эта боль справедливая, злая плоскость,
Эта жизнь, у которой бывают войны, вёсны,
Эта жизнь столь прекрасна и столь несносна!

Хорошо, что лепили-то не из воска.

* * *

Стекло насквозь заиндевело,
Дорога к дому наугад,
Народ плывет осоловело —
Зима — большая каравелла...
И лишь малыш морозу рад.

Он кулачком рисует пятки
На замороженном стекле,
Зверушек, чаек, шоколадки —
Весь мир укладывает гладко,
А папа спит навеселе.

Я наблюдаю... добрый мальч
Азартно греет кулачок.
А в вашем детстве так бывало?
Зима — волшебное начало.
Мороз — и скрипка, и смычок.

Жатва

Наблюдаю жуткую картину —
Ржавчина, подобная золе,
Так распространяет паутину,
Будто метастазы по земле...

То ли приходилось Евдокии
Видеть — как стекала в жижу кровь
Глебова, как Петр держал на кие
Душу всей России и любовь...

И поныне не снята опала
Церковью с невинного плеча.
Как же ты, родимая, упала,
Как же ты, святая, горяча...

Ныне пьется хлестко, и путина,
В целом, не заметна, хлеб да соль,
Да подачка за второго сына,
Чтобы нарождался на юдоль.

Разбежались призраки по свету,
Да и нужен ли нам белый свет?
Так старуха шамкает обеты,
Если за душой ответа нет.

Высверки блуждающего шквала —
Так любовь, не ведая обид,
Все богатства хаму отдавала,
Но и в пытках удержала стыд.

Глагол

Романтики, игравшие взахлеб
В лапту и казаков на старых кортах,
Сегодня подставляют гладкий лоб
Под пули... и под нож — аорты.
Не осознать, тем паче не принять
Способность к разложению организма,
Особенно когда родная мать
Мужала на обломках коммунизма...
О, Питер Брейгель выписал всю мразь,
Но голодна властительная гидра,
И страх потомков — масляная мазь,
Смягчающая перепонки мира.
Так глухи люди из последних сил,
Пока нога не соскользнет в воронку,
Пока глагол, стригущий жертву — «жил» —
Не падает на твоего ребенка.

* * *

Нет разницы, какого рода
Любовь и смерть — на то язык
И выражает суть народа
Слабей, чем крик.

Хотя у каждого свой Данте,
Шекспир, Вийон и Пушкин свой,
Все ж подлинные фолианты
Слабей, чем вой.

Но все ль вопросы белу свету
Сизифом подняты со дна?..
Точнее, жестче нет ответа,
Чем тишина.

* * *

Сложен день, как лист, напополам,
Он ушел на неизвестный адрес.
Свойство чувства превращаться в хлам
Постепенно обретает абрис.
Ватная нисходит тишина.
В полом состоянии невежды,
Права переписки лишена,
Набело любовь строчит надежды.
Ах, как было б, если бы, кабы...
Смелость чувства повторять ошибки,
Выносить мозги и метить лбы —
Как устойчива, живуча шибко!
Да, не отрекусь ни от одной.
Что я без потерь? — пустое знамя.
За ушедший день, ожог и зной
Я благодарю тебя, родной,
Вольное, как песня ветра, пламя.

* * *

Холодный плачет бог,
Сутулится прохожий,
Ноябрьский скудный блог
Фасады цепко гложет.
А я несущу закат
Березовый, органнй.
Твой поцелуй — захват,
И свой ответ пространнй...
Ах, до чего же скуп
Осенний перекресток...
Но я срываюсь с губ,
И ты распахнут, кроток...
Я твой наивнй гимн,
Ты — зрелое молчанье,
И, с осенью един,
Бог думает печально,
Что удержать нельзя
Счастлирое мгновенье,
Но держится земля
На вечном столкновенье.

* * *

Он дикий зверь. Вожак — и вожжи?!
Порой ей кажется — самец
Приручен, вскормлен и ухожен,
Все понимает, наконец,
И возвращается с добычей,
Лелеет в стойле сосунков,
Не рушит правил и обычаев,
Забуть томление готов...
Ей кажется — а он уверен,
Что воля — от крестца до лба —
Как позвоночник держит время,
Им управляет как судьба.
Завоеватель, покоритель,
Исследователь и творец,
Свобода есть его обитель,
А не отстроенный дворец.
И ей увидеть бы воочию,
Всем сердцем и душой вместить:
Любовь — не то, что снится ночью,
А то, что может отпустить.

* * *

Не тот бокал горяч, в котором ром,
Не тот, в котором старый добрый виски,
Но тот, с которым мы к душе идем,
Одoleвая путь порой не близкий.

На том пути есть паутина слов,
Есть красный свет и тупики молчанья,
Но если ты к преградам не готов —
Не будет и награды в окончанье.

А есть ли ценность большая, чем жизнь?
С ухабами, пощечинами, солью?
И, может, только то, что ты вложил
В нее, отдал, не посчитавшись с болью, —

И прорастет свободой?.. Жизнь — одна.
Ищи свой встречный ветер, дух мятежный!
Нам суждено жить за любовь до дна,
Пока мы столь близки, ранимы, нежны.

* * *

Друзья мои, горячие сердца,
Стремительные, мыслящие ярко!
С иронией ребенка и творца
Встречающие трудности, подарки,
Узлы и многоточия судьбы,
Пьянящие влюбленности, потери —
Не выучу, друзья, иной мольбы:
Живите! — с вами в справедливость верю.
Пусть встречи, расставанья вновь и вновь
Нанизаны на тонкий стержень веры...
Живите! — с вами верю я в любовь,
Которая не знает зла и меры.
Да будет мир таким, что не объять,
Не выстрадать и словом не измерить...
Да будет он таким, что не понять,
Но в будущее безотчетно верить!
Мы все напишем — книги, города,
Мы перепашем тьму из чувства долга.
Но, черт возьми, нет худа без добра.
Друзья, прошу, живите быстро —
Долго!

* * *

Все куда-то спешат муравьиными тропами.
Этот час суеты —
масть дорожная —
шк.
Мы привязаны к прошлому прочными
стропами.
Лабиринты души —
Повороты —
тушик...

Эта часть суеты —
городская, вокзальная —
Прорезается чьей-то мелодией глаз —
Синева, боже мой, и звучанье кристальное.
Неужели сумею пройти мимо вас?

Неужели не встретимся больше —
и буднями,
словно ряской,
мелодия глаз зарастет?..
Удаляется.
Так и становятся буддами.
Лабиринты спокойствия.
Переворот!

Я лечу за тобой —
камень против течения.
Вся-то жизнь уместается в пару минут.
Я лечу за тобой,
моя нежность вечерняя —
И почти понимаю, что
Вас
не вернуть.

* * *

По истечение долгих верст
Последний шаг дается трудно.
Не оттого ль, что слишком прост
И унизителен подспудно?..

Все кажется — приют, порог,
Но колея ноге привычна,
Скиталица чужих дорог —
Душа в душе не безгранична!

И так за кругом круг влачим,
От притяженья леденя.
И чем упорнее молчим,
Тем безнадежнее мелеем.

Как надвигающийся гром,
Предчувствие родства тревожно.
Твой шаг — мой шаг, твой стон — мой стон.
Душа в душе не безнадежна!

Сердцебиение

Роддом. Недоверие к проводам.
Медсестрам. Кушеткам. Иглам.
За стенкой истошное «не отдам» —
кому? и кого? Достигла

того состояния, где уже
равны разнополюе. Ангел —
и тот на рожаящем этаже
без пары танцует танго.

А в голову лезет такая муть!
К примеру, упасть с окошка.
И на завалинке отдохнуть
не ведавшей случки кошкой.

Сердцебиение малыша
кончается перед схваткой.
И с ним отлетает на миг душа...
вернут нашатырной ваткой.

Национальные особенности

Налипание снега мокрого.
Пятизвездный бардак дорог.
С резковатым земляца нором —
что ни яма, то черный рок.

Что ни женщина — озарение.
Муза. Выстрел в слепую грудь.
Что ни проза — стихотворение.
Что ни суд — то не обессудь.

И, сжимая в кулак рыдания,
ослепленный ее красой,
ангел вылетел со свидания,
обворованный и босой.

* * *

Я люблю поезда с номерами трехзначными,
что ползут, перегоны скобля животами.

Чувство родины — что это? Садики дачные?
Деревеньки-старушки с беззубыми ртами?

Половодье, в котором не тонет лишь облако,
бесконечный закат над непаханым полем...

Чувство родины — это сердечные колики
от того, что Россией с рождения болен.

* * *

Всю ночь в подъезде маленький котенок
Искал не пристань, но и не скалу.
Кому он пел, как нелегко с пеленок
Благодарить за славу и хулу?

Мы прятали от состраданья глотки,
Как прячут руки-ноги в холода...
...а маленький котенок в утлой лодке
Спасал от вымерзанья города.

* * *

Я сойду — темпераментом, в рост
За медведя голодной зимою.
Этот опыт, горбатый нарост,
Эту шкуру, добытую мною —
Я сорвал бы! Течение дней,
Разум, когти сорвал, что угодно —
И бежал за добычей своей
По опущенным в прошлое сходим,
И, догнав, из пушистых волос
Сплел бы путы на руки и ноги.
Окуная то в нежность, то в злость,
Доказал: черта с два одиноки!
А потом захрипел... что Орфей!
Шла б за мной, как за раненым — жалость!

Но она, мой желанный трофей,
Никогда на земле не рождалась.

Первое погружение

Широкий шаг. Смыкают воды
Объятия над головой.
Растут морской стихии своды
С непознанною глубиной.
Здесь звук дыханья поначалу
Тревожен, и, борясь с собой,
Я пристаю к нему, к причалу,
Сопоставимому с судьбой, —
К невозмутимости, к ладони,
В которой сила, опыт, власть —
О, проводник мой непреклонен,
Его рука с моей слилась,
Он понимает с полужеста,
Какой предвидится ответ,
Он назначает это место
Свободным от земных сует,
И меж кораллов, рыб, моллюсков, —
О, мира древняя печать! —
Любуется моей нагрузкой —
Необходимостью молчать.
Он точен, выверен, спокоен,
Он слит с течением морским,
Он знанием владеет, коим
Хотела бы владеть, как им,
Когда я там, на суше — Ева,
Рукой ласкающая плод...
До боли. До вины. До гнева.
До слез околоплодных вод.

Ссора

Когда порвется эта нить,
Ты не почувствуешь испуга.
Привычка чувства хоронить
Распространяется на друга.
Необратимо и легко,
Как шлейф из сопла самолета,
Как пузырьки Мадам Клико,
Как растворившаяся нота.
И хорошо, что нет могил,
Что разлетаются как птицы
Друзья — и без руля, ветрил
Уносит дорогие лица...
Когда невидимая нить
Звенит и бьет на поражение —
Нам проще чувства хоронить,
Чем выносить их натяженье.
И хорошо, что нет могил,
И жечь то ничего не надо.
Но я порою находил
Себя в кругу другого ада —
Там нет ни друга, ни коня,
Ни боли, ждущей душу в теле.
Там нет, признаться, и меня —
И не было на самом деле.

* * *

Время, будто ветер, свищет
Меж рождений и концов.
Для птенцов готовит пищу —
Для еды растит птенцов.
Время складывает души,
Как в поленницу дрова,
И дождем забвенья тушит
Прогоревшие слова...
Скрупулезно точит Кижы —
И у дерева свой срок.
Все отчетливее вижу:
Мера времени — песок.
Эй, Державин, через пропасть
Протяни стрелу строки!
Трепет чувствую и робость —
Вечный зов большой реки.
Дар рождения великий —
Быть глазами, слухом быть,
Чувством боли, страсти ликом,
Памятью! И смерть — любить.

* * *

Понимаешь, все обычно —
не люблю плодить повторы.
Вот и гаснут разговоры,
не успеешь чиркнуть спичкой.

Не успеешь наглядеться —
не успеешь насладиться —
не успеешь влиться в лица —
как впадает старость в детство.

И, чем дольше виноваты
в том, что все проходит снова —
тем дешевле буря слова
и дороже штиль заката.

Эпилог

Время стирает даже
камень. А что такое
встреча — что ни отдашь ей —
вскоре вернет тоскою.

Я — человек, покуда
помню о смерти редко,
милых теряю губы,
детям читаю «Репку».

С каждым не новым годом
глубже в колодце жалость.
Чтобы не стать уродом —
много ль во мне осталось?

Словом плодотворящим
выскользну в руки к Богу:
а) если сыграю в ящик;
б) если найду дорогу.

МАЛЕНЬКИЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

1. Доброго пути

Придумавшему расставания нужно присудить Нобелевскую премию. За выдающийся вклад в историю человечества.

В ту ночь я вовсе не ложилась спать. Сначала заснуть не могла, а потом боялась. Что, если опоздаю на междугородний автобус? Следующий только через день. Денег на билет уже не хватит. Не то чтобы неразрешимая проблема, но вся эта возня с поиском. К тому же прогул на работе. И дети ждут. Когда находится много мелких поводов вернуться, есть одна генеральная причина не оставаться. Но я ее не помню. Крупное забывается гораздо быстрее мелочей.

Я слушала музыку, он храпел. Когда любишь человека, его храп не мешает слушать музыку, а иногда составляет ей конкуренцию. Я его любила. Чувство закалялось контрастом большого расстояния между нашими городами и крохотного зора между нашими душами. В этот зор не помещалось ничего, кроме слез...

Мы заранее договорились, что я отправлюсь на вокзал одна. Ему тяжело ходить, темнеет в глазах от боли. Планка расставания была поставлена ровно на пять минут, за которые скорость моего нервного шага справлялась с расстоянием до вокзала...

Он проснулся. Позавтракали. Я не видела еду, просто выполняла ритуал. Делала все предельно осторожно, чтобы не расплескать глаза. Думаю, он тоже. Присели на дорожку. Сжали пальцы до хруста. Тот, кто придумал расставания, усмехнулся.

Пять минут.

— Я тебя провожу.

Обычная, в общем, фраза, может взорвать мир.

— Нет! Тебе больно, — прошептала я вслух, а про себя закричала «ОПОЗДАЮ!».

— Гораздо больнее вот так закрыть за тобой дверь. Справлюсь.

Я догнала его у лифта. Створки грязноватой устрицы вдохнули нас. Внутри он прислонился к стене и прикрыл глаза.

— Тебе плохо?

— Мне настолько хорошо, что сложно пережить. Я не привык быть счастливым, ты знаешь.

Лифт задергался и выдохнул.

Четыре минуты.

Он зашагал широко и неровно. Я с трудом поспежала за ним и все заглядывала в лицо: что он чувствует?

— Я вспомнил анекдот. Давнишний. Мы ведь с тобой так и не потанцевали. Ничего, какие наши годы. Так вот. Идет дочь первый раз на дискотеку. Мать ее напутствует: «Доченька, ты уж там осторожно! Знаешь, как это обычно бывает? Вначале он пригласит тебя потанцевать, потом угостит шампанским, потом приведет тебя на пустую квартиру к другу, будет долго целовать, а потом бросит на кровать, накинется, и вот — обесчещена... ты, твоя мать, отец, и вообще вся твоя семья!» Дочь возвращается под утро: «Мама, не волнуйся: я тебя не опозорила! Я пригласила его потанцевать, потом угостила шампанским, потом повела его на пустую квартиру к подруге, целовала его, потом кинула на кровать, набросилась на него, и вот — обесчещен... он, его мать, отец, и вообще»

Вдруг он переломился пополам и рассмеялся. С задержкой на долю секунды и как бы со стороны, откуда-то издалека, я увидела, что он стоит в семейных трусах, а брюки валяются на ботинках.

— Нет, ты видела когда-нибудь такие результаты похуждения? С меня слетают штаны, на меня смотрят лучшие женщины этого города, а мне некогда насладиться ситуацией.

Три минуты.

— Ремень идиотский. Бежим дальше.

И тут он медленно падает на спину. Я чувствую ирреальность происходящего. Это не может быть с нами.

— Милый, что с тобой? Солнышко? Давай вставать.

— Да. Подними мои очки. Это единственное, что ты можешь поднять. Я большой дядька, сам себя подниму.

Едва приподнявшись, он снова заваливается на затылок, на этот раз гораздо быстрее. Еще одна попытка оканчивается сильным ударом об асфальт, на виске появляется красный родничок. Я подхватываю его под мышки и рву

вес. Бесполезно. Судорожно оглядываюсь по сторонам. Прохожие аккуратно разбиваются на два потока — так вода огибает внезапное препятствие в виде камня.

— Помогите, пожалуйста, — я не узнаю свой дрожащий голос.

— Женщина, он же пьян. Чем мы ему поможем? — через плечо бросает деловая дама в блузке с отложными гофрированными воротничками. Чертовы детали!

Две минуты.

Я делаю шаг к проезжей части и поднимаю руку. Поток машин, кто-нибудь тотчас остановится. Оглядываюсь на него — безуспешные попытки приводят только к тому, что костюм покрывается белесой пылью, а к щекам прилипает мелкий мусор. Все едут мимо. Кому нужен пьяный мужчина с нервной женщиной? Одна! Минута! И тут я догадываюсь. НУЖНО ОТОЙТИ. И улыбаться. Меня, молодую симпатягу, подсадят.

Что ему сказать? Это были самые длинные шаги в моей жизни. Я молча бросала его. Он покорно смотрел на меня, придерживая рукой красный родничок. Несколько метров совершенно не патетичного отчаяния.

Мгновенно останавливается машина. Тот, кто придумал расставания, посадил-таки рядом с водителем беременную женщину. Я не прошу, я выбрасываю слова вместе со сдавленными рыданиями.

— Девушка, милая, помогите. Вон там, на дороге, писатель. Ему плохо. Отвезите его домой, это в тридцати секундах отсюда, в соседнем дворе. Я опоздала на междугородний автобус. Вы наверняка любите его рассказы. Я не могу опаздывать. Вот сто рублей. Я умоляю Вас.

Она обменивается взглядом с водителем, и оба кивают головами.

Я бегу. Оглядываюсь. Они идут к нему. Еще раз бросаю взгляд назад — перед поворотом на вокзал... они уже подтаскивают его к машине... как же я ненавижу бег, особенно с тяжестями... сердце сразу же перемещается в виски, легкие хлюпают жидкостью и втягивают воздух так, словно он гуще воды...

Автобус еще не отправился. Влетаю в открытую дверь, прямо в объятия к полногрудому контролеру, и все окружающее отключается одним щелчком, как телевизор. Кто-то хлопает по щекам, кто-то спрашивает, что болит, кто-то

предлагает воды. В этом автобусе собрались самые душевные люди этого города. А может быть, все они живут в моем? Как минимум, контролер остается здесь и будет звонить мне на сотовый, когда узнает, как чувствует себя мой писатель.

«Доброго пути».

2. Всемирный закон

— Почему ты куришь?

Мы не виделись лет семь. Размотало по городам и весям: каждый ушел со своим обозом. Первый год после окончания школы собрал всех. А потом уважительные причины стали нарастать как снежный ком. Но все это по большому счету ерунда. Сейчас мы стоим на балконе и цепко вглядываемся друг в друга. Кажется, сам смысл жизни может стать гораздо доступнее, если поймешь, почему наши лица уже не те. Нет, не в количестве морщин дело, и не в том, что самая романтическая девочка класса перестала верить в любовь, а та, что всем запрещала курить, изящно держит сигарету. Переиздание мира происходит ежегодно. Только у одних меняется качество полиграфии, а у других жанр.

— Курю, потому что мой мозг предает меня, — она сказала это тихо и внятно, как если бы мозг был приятелем, расстаться с которым — дело заплаканное.

— Светик, у тебя есть большие основания для маленькой трагедии? — я просто не знаю, как еще можно пошутить.

— Да ну тебя, трагедия! «И все больше склоняется к прозе мозг, наученный думать стихами». У Арбенина. Пойми одну простую вещь. В самом раннем детстве, когда нас учат **договариваться** — мы учимся **предавать**.

— Светик!

— Знаешь, как ведет себя мой мозг, когда я решаюсь бросить курить? Он согласен! Он согласен, согласен, согласен до тех пор, пока не почувствовал химический дисбаланс. Потом он тоже согласен, но с оговорками. Нельзя бросать резко, это лишает организм равновесия. Нужно потихоньку, шаг за шагом, сокращать дозы никотина. Или же нужно предпринимать решительные шаги летом, когда у меня не столько нервной нагрузки, и мне не будет угрожать нервный

срыв в разгар концертного выступления. Или же можно начать бросать завтра. Или же после вот этой последней сигареты. Но *только не сию секунду*, понимаешь?

— А зачем ты идешь на поводу, если заранее знаешь результат? — во мне проснулись родительские интонации.

— Во-первых, как бы не ломали копыта о месте положения «Я» в организме и его расщеплении, мой мозг — это и есть я. Или, если у тебя не получается представить, почему якающая в груди орда сидит в одной засаде, представь сямских близнецов с одной системой кровообращения. А теперь обрати внимание на размер предательства. Оно настолько невелико, что почти безболезненно. Да мы же на каждом шагу предаем сами себя, я тебе тысячи примеров могу привести, не только вредные привычки. Без этих предательств мы и жить то бы не смогли. Ах! Как раз в этот момент мой мозг собирается подстилать соломку под собственные грехопадения, — Света рассмеялась.

— Нет, правда, ты хоть на секунду представь наш мир насквозь принципиальным! Фанатично принципиальным! Да еще неандертальцы, не умей они предавать, то бишь договариваться, не смогли бы поделить мамонта.

— Светик! А не подменяем ли мы понятие договора понятием отказа? Мне всегда казалось, что предательство — это как раз не договор, а его нарушение — вероломное, то бишь, без предупреждения.

— Подружка, вспомни традицию некоторых древних племен относить престарелых родителей умирать в горы. Еды-то на всех не хватало. Вот и существовала договоренность отказываться от нетрудоспособных. С нашей точки зрения это предательство. А с их точки зрения предательски поступил тот, кто решил не предавать свою маму с нашей точки зрения.

— Светик, не путай меня, пжлста! Ты сейчас о конфликте разных культур говоришь. Человек, как правило, находится в своей родной культуре.

— Ха-ха, — грустно отреагировала подруга, — а в чьей культуре находился Бродский, когда получил диагноз «тунец»? В чьей культуре он существовал, когда кривился, услышав русскую речь? На самом деле договариваться-предавать просто в любой культуре. Особенно по мелкому.

— Грустно все это. Жить и чувствовать себя предателем.

— А ты почувствуй себя дипломатом! — Света развеселилась.

— Но ведь должно быть какое-то разумное решение, выход из западни?

— Конечно. Смерть.

— Ни фиги себе разумное!

— Я не физическую имею в виду. Ты же цитируешь Веру Павлову? Вот, слушай:

***Не мысль, не чувство — ощущение
всего телесного состава,
что новая любовь — прощенье
за то, что сделано со старой,
что сладок поцелуй Иудин,
что он желанен Назарюю...
Прощение за то, что будет
позднее сделано и с нею.***

Света помолчала. Снова закурила.

— По-моему, это лучшие стихи о предательстве. И смысл жизни не в том, чтобы жить правильно, как завещал великий кто-то. Мне важно чувствовать, что я сама управляю своей жизнью, сама предаю. Не культура, прости господи, в которой я живу, не обстоятельства. Ну, не на кого переложить ответственность!

— А что это дает? Ну, это ощущение единения с предательством?

— Да не дает, а отнимает. Чувство предопределенности. Знаешь, рабское такое ощущение, что от тебя ничего не зависит.

— Это до тебя уже Сартр говаривал. А потом смеялся над своими словами.

— Не удивительно. Он в очередной раз следовал всемирному закону предательства, открытому нами на этом балконе, — ее настроение явно не соответствовало глубине проблемы.

— Светик, ну ты мне скажи хоть что-то оптимистичное с серьезным видом. Соломинку дай.

— Эка невидаль, соломинка. О, смотри, тут у вас церквушку построили прямо во дворе.

— Это детский садик перестроили.

— Да ну? Чем не соломинка? Ноев ковчег!

— Светик, я тебя умоляю. Ты же не собираешься пронизировать над религией?

— Ни в коем случае. Но ты же просишь подпорку. Ближайшая там. И это замечательно.

— А еще ближе?

— Сужаем круги? В комнате на столе. Сорок градусов антипредательства. Но действует непродолжительно.

— Прекрати издеваться.

— А ты прекрати строить из себя слабую.

— Да я не слабая. Сейчас вот разговариваю с тобой, а сама уже мысленно составляю каталог своих предательств... знаешь, забавно...

— У меня к тебе просьба. Когда будет готов, *предай* его огню.

— *Предать?*

— Преданные предательства дают много тепла и света.

— Светик, это игра слов, красивая, не более того.

— Хм... если я стану перечислять тебе произведения искусства, порожденные этим огнем, мы никогда не вернемся к застолью. Давай договоримся, — Света с трудом сдерживала улыбку, — договоримся не придавать, заметь, не *придавать* столько значения предательствам. Важен не тот факт, что нельзя от них полностью избавиться. Но мы же прячемся, мы же не чувствуем или не хотим чувствовать, а когда — внезапно! — делаем открытие, впадаем в крайности.

— В тебе пропадает великий философ, Светик.

— Зато просыпается великий пожиратель пирожных.

— А я собираюсь худеть.

— Сию секунду?

— ...

3. Заложник

Возвращаюсь с вечеринки по поводу очередного рождения подруги («вырождаюсь или созреваю?» — допытывалась она у гостей). Как полагается, за полночь. Дорога через темные дворики, плотно сжатые хрущевскими пятиэтажками. В таких невольно ускоряешь шаг до тех пор, пока не поймешь, что вырваться бесполезно. Отрепетированный годами путь между мусорками и кустами сирени.

Впрочем, сейчас сирень выглядит не слишком романтично. Поздняя осень. С другой стороны, в моем теле что-то приближается к расцвету: все-таки, желая подруге добра, мы подкрепляли слова вином.

Внезапно стандартный маршрут одаривает сюрпризом: в центре очередного покинутого светом старого двора — забытое богом старое фортепиано. Рядом с песочницей. У инструмента вид примерно такой, какой бывает у интеллигентного человека в театральной очереди в самом начале антракта, когда обнаруживается, что кабинок гораздо меньше, чем желающих туда попасть. Невозмутимость лицевых мышц, как бы естественная поза, растерянный взгляд.

Подхожу к выставленному за дверь королю деликатно, чтобы выразить сочувствие, а заодно проверить работоспособность. Оглядываюсь по сторонам. Ни души. На первые звуки ноктюрна Шопена клавиатура отзывается так, словно содрали пластырь с губ заложника — я даже пугаюсь темпераменту старика. И снова оглядываюсь по сторонам. Большинство окон слепы, некоторые подмигивают голубоватым светом. Там все смотрят в одну сторону...

А я вижу звезды. Или слышу их? Немного дребезжащий звук с подмороженным оттенком — какая находка для Шнитке... Увлекаюсь, перебираю несколько ноктюрнов, ныряю в импровизацию...

— Девушка, это колыбельная или серенада? — так и есть, появляются любопытствующие. Мужчина на балконе второго этажа прикуривает сигарету.

— Это последняя просьба.

— Перед?

— С моей стороны перед предательским побегом. С его — перед растаскиванием.

— Хотите, я возьму вас к себе? Приму, так сказать, посильное участие в судьбе, — мужчина мысленно зажигает свечи и расправляет постель.

— Прямо сейчас? — мне становится любопытно, насколько далеко может зайти фортепианная игра.

— Ну... мне сначала надо одеться и разбудить соседа.

— А сосед до сих пор питал к вам родственные чувства?

— Сосед до сих пор регулярно просил взаймы. Вот я ему и дам прямо сейчас. После непродолжительных переговоров, — мужчина выдыхает дым через уголок улыбки.

— И вы прямо сейчас понесете его, — киваю на инструмент, — на второй этаж?

— А вы прямо сейчас станете учить меня игре на фортепиано?

Я начинаю чувствовать, что на самом деле устала, и, скорее всего, мне все равно, чем закончится эта история, потому что я не хочу верить в никчемный исход и не могу верить в романтический. В конце концов, последняя просьба уже озвучена...

— Знаете, у меня дома волнуются, что я задерживаюсь. Если хотите, я возьму ваш телефон и позвоню на днях, помогу найти настройщика, — отступление показалось мне виртуозным.

Я записываю на сотовый его номер. Мужчина выглядит победителем. Он мысленно расправляет постель и тушит свечи.

На следующий день рядом с песочницей обнаруживаю беззубое чучело короля. Вокруг валяются обрывки струн, молоточки. Забавно: ни одной клавиши. По-видимому, детская фантазия нашла применение лакированным деталям.

То ли сосед внезапно разбогател, то ли мужчина повнимательнее рассмотрел лучезарную перспективу обучения игре на фортепиано.

Я мысленно отпрянула. Он не настаивал.

4. Венок новогодних записок

«Сожгли десятка три бенгальских свеч. Китайские салюты рвались в ноги, но милосердны оказались боги — а боги чьи? — так не об этом речь. Деликатесов море; также — дичь. Пугают кризисом тв-экраны, мы верим им, хотя и не бараны, мы — верим! — только не об этом спич. Горели елки тысячью огней. Все ждали снегопада. Ни снежинки! И загадалось, чтобы половинки... что толку от любви?! — но все о ней. Да, бросим всех, рванем на острова какие-то в каком-то океане. Сообщниками станем по нирване — забудем все, и в том числе — слова. Но ведь не бросим? Дом, семейство, кот. Простое, человеческое, земное — под новой не обношенной зимой... За новый год!»

Что, если бы в новом году удалось писать жизнь как стихи? О, как бы плакал всякий, кому попала в руки моя книга!

Редкая слеза нынче дотечет до середины щеки... Тому, кто добрался до середины реки, дальше деваться некуда. Прелесть книги в том, что из нее можно в любой момент выйти сухим. Или даже переписать. Разборчивым почерком владеть не обязательно. Times New Roman — наше новое время...

Сегодня в моем городе вечер. Один из тех, в которые особенно актуально звучит анекдот про новогодние игрушки. Люди расслаиваются на две касты. Одним достаются игрушки как игрушки, а другим — бракованные. Не радуют!

«Любовь, смерть, музыка и все такое... Девочка моя, есть вещи, о которых лучше молчать, чем говорить что попало. Но иногда мне кажется, что мы слишком долго молчим о самом главном. Незаметно обрастаем шелухой слов-однодневок... Смешно вспоминать, как ты рождалась! Акушерка быстро и властно — как заклинание — повторяла «какаем, какаем» — а через пару минут показала тебя. Это сейчас весь рассказ о родах я могу уместить в две строки. А тогда подробности тянули на эпопею. «Как это было?». Первая же прогулка в сквере окончилась моими бурными рыданиями: вокруг шныряли ловкие полугодовалые малыши, а ты сопела в коляске, упорно не брала грудь и совсем не говорила по-русски. Мнилось, что это навсегда. Оказалось — небольшая послеродовая депрессия. Что-то там в организме перестраивается на новый гормональный лад. Правда, смешно!»

Не радуют? Что вы, с моими игрушками полный порядок! Может быть, потому, что утром попался отличный стилист. Теперь я оптом принимаю восхищенные взгляды. Может быть, потому, что сыну сегодня шесть. Он здоров, добр, красив и умен. Через три дня новый год. Кульминация глупого ожидания чуда. А еще я бегу под руку со старшей дочкой. Мы хохочем, обсуждая только что увиденный в детском саду утренник. Поправки в меню праздничного ужина. Да, и необходимость приобретения микроволновки в ближайшие полчаса...

Взгляд захлебывается позой женщины, неловко распластавшейся в сугробе на противоположной стороне улицы.

Мутный поток авосек с мандаринами аккуратно огибает внезапное препятствие в виде тела.

«Человек сам строит стены, сам бьется о них, сам ищет новое русло. Помнишь, как ты писала мне гневные смс в соседнюю комнату? Жалко, что я их не сохранила. Ты тогда жутко ревновала меня к мальчику, который целовал мои руки. Ты блестяще научилась ревновать; надеюсь, это обратная сторона любви. Мне всегда хотелось научиться любить навсегда. Окончательно и бесповоротно. До сих пор этому учусь... Интересно, что больше мешает? Душа или тело? Экономическая ситуация в России? Насквозь гнилой менталитет? Я отгородилась от половодья прочной плотинной. Меня может спасти только цунами».

Так вода огибает препятствие в виде камня... Дежавю. Пока мы с дочкой пересекаем проезжую часть, над женщиной склоняется молодой человек без мандаринов. Бегло принохивается и начинает приподнимать. Она не подает признаков борьбы за вертикальное положение. Напротив, пытается нырнуть назад в липкий снег.

Краткое пересечение взглядов. Мы с молодым человеком, как на репетиции по синхронному плаванию, выполняем согласованную поддержку. Внезапно женщина с тяжкой определенностью пьяного философа выдыхает последнюю просьбу:

— Оставьте меня. Я почти замерзла. Мне не больно теперь. Я хочу умереть. Оставьте.

«Смерть — единственный выход из водоворота. Скажи так — и вот уже родители заглядывают в глаза, суетятся в поисках источника эндорфинов, тщательно контролируют каждое свое слово... Я всегда думала, что красота мира — аксиома. Не требует доказательств! Но однажды я закрыла один глаз и обнаружила, что мир посерел. Взглянула другим глазом — снова в теплых тонах. Если я вижу мир по-разному всего то двумя глазами — как же видят его мои дети?! Друзья? Чужие люди? И все же, с какой стороны не рассматривай, смерть — это аварийный выход однократного применения. Но потоптаться на пороге бывает полезно. Почувать ледяной сквозняк. Поежиться и вернуться на теплый диван».

— Не очень удачная идея встречать Новый год на больничной койке, — возражаю я. — Умереть не дадут, а вот заболеть — сколько угодно.

— Я бесконечно устала. Я больше не могу. Я сделала все. Вы только не подумайте, что я слабая или пьяница. У меня дома чисто. Я люблю готовить. У меня есть любимый человек.

— Вот видите, — я приторно весело подхватываю тему, — любимый человек! Это же здорово! Сейчас мы едем домой, отоспимся и будем встречать Новый год! У Вас есть сотовый? Позвоним любимому?

«Лучше помечтаем о чудесах... Думаешь, чудо — это анонимный подвиг Бога? А ты умеешь делать подарки? Поутру, едва разлепив глаза, я полезла в сумку за... уж и не помню, за чем. Наткнулась на новехонький мобильник и записку «Я твой новый телефон». Обалдев, принялась мучительно припоминать предыдущий день... Где была, с кем общалась? Все друзья единодушно отказались взять ответственность за подлог. В личной жизни такой мертвый штиль, что и подумать не на кого. На третий день я поняла, что можно подарить не только вещь! А еще детектив. И размноженное на неопределенное количество лиц чувство благодарности. Мне бесконечно повезло с друзьями. Их уроки мудрости и радости время от времени встряхивают так, что слетает шелуха слов-однодневок...»

— Позвоним любимому... Да, но я не могу, продала телефон. У меня долгов десять тысяч. А зарплата пять. А снимать квартиру — четыре. Я из Ульяновска приехала, там совсем нет работы. А здесь нет жилья. Четыре тысячи квартиры и пять зарплата... лучше умереть, — женщина стонет как попавший в капкан зверь. Молодой человек обнаруживает теплый и ясный тембр голоса:

— Вы не отчаивайтесь, все образуется. В Новом году найдете другую работу, постепенно отдадите долги.

— Думаете, я не ищу? Это тупик. И в Новом году все будет еще хуже... не хочу жить.

«Нарисуем светлое будущее. Сражение за него началось задолго до твоего рождения. Помнится, Пешков се-

товал, что главным препятствием на пути счастья всего человечества является сам человек. Вот и я мечтала-мечтала сделать тебя счастливой, пока не поняла, что ты — главное препятствие. И я стала с тобой бороться во имя твоего счастья! Мы часто кричали, а иногда мы даже поднимали друг на дружку руку, до того хотелось добраться до счастья здесь и сейчас! Я стала захлебываться борьбой и, как утопающий, спрашивала совета у мудрых людей. Вот что я услышала. Бить детей можно, и даже нужно, и даже сильно, но только однократно, ибо это предел. Дети ищут предел, пытаются понять, как далеко можно зайти, испытывая родителей. Гораздо сильнее физической боли действует удивление. Детей надо удивлять. Это большая работа души. Галеры».

— Мы, бабы, поплачем, и снова в бой. Можно найти вторую работу, третью, сейчас никто на одной не работает, — я глотаю комок острой жалости к бабам и сарказма к собственному агитаторскому подъему.

— Вы куда ехать то помните? Сейчас сядем в такси, — женщина без запинки отчеканивает адрес и всхлипывает.

— Вы добрые. У меня есть деньги, возьмите в сумочке.

— Ой, оставьте свои деньги. Они вам еще пригодятся, — я объясняю водителю, куда ехать и заранее оплачиваю услугу. Нащупав в кармане свою визитку, вкладываю ее в озябшую ладонь. Не чувствую особенной уверенности в том, что смогу помочь. Но совершенно определенно ощущаю, что маленький кусочек картона способен согреть надеждой. Так греет лотерейный билет. Глупое ожидание чуда.

«Всего оружия — сердце с орфическим прицелом. Другое не поможет. Сколько лет твоей дочери? Четырнадцать? Напиши по одному стихотворению на каждый год жизни. И постарайся вложить в каждое из них самое дорогое воспоминание. Самое глупое, смешное, нежное, страшное, какое угодно, но самое-самое! Может быть, когда-нибудь она их прочтет. Хотя это не столь важно. Потому что это стихи не для нее, а для тебя. Чтобы ты могла пережить прошлое гораздо подробнее и горячее, чем в кабинете психоаналитика. Мы не обязаны быть перегноем для своих детей — но и дети не обязаны быть плодоносящим растением на нашей почве! Не важно, сколько раз вы друг

друга предавали из самых лучших побуждений. Важно, сколько раз вы удивляли, даже если это были совсем малюсенькие удивления...»

— Доброго пути!

Мы с молодым человеком переглядываемся как заговорщики. И бежим дальше. Дочка крепче сжимает мою ладонь. Слышно, как парень по мобильнику обсуждает предстоящий экзамен. Затем наши пути расходятся.

Я падаю в бездну воспоминаний. Не буквально, конечно. Вот они, реки мандаринов и рука дочери. Как долго все-таки я живу. И чувствую себя преда... тьфу, писателем. Принимаю посильное участие в судьбе таких же как я тьфу-писателей...

— А все-таки здорово, что не перевелись беременные женщины и студенты.

— Mam, ты о чем?

Краткое оглавление:

Сожгли десятка три бенгальских свеч.

Что, если бы в новом году удалось писать жизнь как стихи?

Любовь, смерть, музыка и все такое...

Не радуют?

Человек сам строит стены, сам бьется о них, сам ищет новое русло.

Так вода огибает препятствие в виде камня.

Смерть — единственный выход из водоворота.

Не очень удачная идея встречать Новый год на больничной койке.

Лучше помечтаем о чудесах.

Позвоним любимому.

Нарисуем светлое будущее.

Мы, бабы, поплачем, и снова в бой.

Всего оружия — сердце с орфическим прицелом.

Доброго пути!

ПРАВДА И ТОЛЬКО ПРАВДА

Что, если бы я умела воровать?

Конечно, умею.

Года в три на коммунальной кухне взяла без спроса чью-то рыбу и скормила чьему-то коту. Справедливость поступка не вызывала сомнения. Голодному — еда.

Спустя пару часов претерпела публичную казнь, тем более мучительную, что она была ненавязчивой! Мама купала меня в детской ванночке, а хозяйка «ничьей» рыбы вслух обсуждала удивительное «само» исчезновение мертвой недвижимости. Попутно женщины рассказывали друг другу о том, в каких нечеловеческих условиях содержатся всякие воры. Связи между рыбой и ворами не было ровным счетом никакой, судя по их разговору. Просто к слову пришлось. Наверное, я менялась в лице раз сто, мечтала утонуть в ванночке, выжать рыбу из кота на стол... Никто не заметил, КАК во мне извивалась новорожденная совесть!

Второй случай воровства был вполне осознанной сделкой с некрепким сознанием. Во времена моего детства жевательные резинки (резиновые, гудроновые аналоги «Орбита») считались приметой недавней поездки за границу. Евино яблоко, преобразованное в прямоугольничек. Жеванные резинки немного теряли престиж, но не настолько, чтобы стать нежеланными. Хранились жеванные резинки на верхних полках детских раздевальных шкафчиков рядом с шапками, ибо там им самое место.

И вот, влекомая непреодолимой страстью, стащила я у одного из согруппников возжеленную резинку. Черт возьми, я даже не помню, ЖЕВАЛА ли ее? Какова она была на вкус? Доставила ли удовольствие?

Но память запечатлела шумную сцену дознания, допроса, опроса, обыска — все искали у всех. А меня не трогали. Поскольку репутация. Ре — пу — та — ци — Я: не могла. Если бы меня приперли к стенке и вместе с рыданиями выудили эту жвачку — сейчас я вряд ли сокрушалась бы о

том эпизоде. А так... психологи придумали название: «незавершенный гештальт».

Кто-нибудь! Дайте последний шанс!

Дети окружены запретами точно красными флажками на охоте. Но на каждом шагу «кидают» родителей, пребывающих в счастливом заблуждении относительно действенности формулы «ни в коем случае». «Не лазай в трусы» («хвостик вырастет» — наглая ложь! во всяком случае, для девочек), «не целуй кота» («червячки заведутся» — сушая правда). На ребенка не действует ни то, ни другое.

Мое первое сексуальное впечатление связано с котенком. Во-первых, его нельзя было приглашать в кровать. Во-вторых, зачем подглядывать, как он кушает, лежа щекой на полу? И, наконец... с какой стати он сосет твое ухо?!! Мама, если бы ты предоставила котенку собственное ухо, то не задавала бы глупых вопросов.

Изучение анатомических подробностей неплохо началось с двоюродным братом ровесником. Но тут вмешался дядя, крайне заинтересованный копошением под одеялом. Никаких шуток! Мы совершили нечто безобразное, отвратительное, постыдное — съели яблоко. Косточки до сих пор не переварились, хотя миновало не одно десятилетие.

В детском саду я терпеть не могла подвижных игр — слишком велик риск оказаться «третьим лишним». Реванш осуществлялся публичным чтением сказок. Ровесники становились детьми. А мой рост, красота, ловкость измерялись волшебным преобразованием букв в образы.

Тем девочкам, у которых грудь начинает расти неравномерно, это не поможет (они редко читают взрослые книги). Скорее, я адресую свое воспоминание мамам.

Когда у меня появилось асимметричное уплотнение в области груди, я испытала животный страх смерти от рака. Как только не разминала этот комочек... Сосок оказался деформированным, но здоровым. К черту загадочные улыбки матерей! Правда и только правда — от Евы к Еве.

С раннего детства люблю этот божественный контраст белого и черного. Он явился в образе клавиатуры фортепиано. Пальцы: летающие, ласкающие, достающие до самого дна — клавиш, слуха, сердца. С ужасом думаю, что было бы со мной, если бы ТОГДА в моих руках оказался мобильный телефон, ноутбук?! Другая клавиатура — другая судьба.

Самое лучшее, что есть в этой жизни — рождение детей. Самое сложное, что переживает женщина во время родов — это исчезающий во время схватки пульс плода (хотя физиологически это нормально). Моим детям досталась сложная мама. Но мы всегда «держим руку на пульсе» друг у друга. Моя мечта исполнилась — мои дети красивы снаружи и внутри, и они ценят красоту окружающего мира.

Собирая эту книгу, я проработала корпус стихов за 10 лет. На многие ранние смотрела с отвращением, но не удалила из архива. Полезно видеть собственную немощь и вседозволенность — ту самую, которая так раздражает в иных молодых авторах, обращающихся за советом.

Есть люди, без которых мой путь выглядел бы совершенно иначе.

Михаил Аркадьев,
Сергей Ташевский,
Анатолий Яковлев,
Сергей Волков,
Владимир Коробов,
Владимир Мисюк.

Я благодарю Вас! Я восхищаюсь Вами.
Всегда.

Ольга ВАЛЕНЧИЦ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУЖАЯ МУЗЫКА

1. Чужая музыка.....	3
2. Сны Шекспира.....	4
3. Корабли.....	5
4. Якоря.....	6
5. Симптом.....	7
6. Скульптор.....	8
7. Всестороннее.....	9
8. Возможно.....	10

ГАЛИЛЕЙ

1. «Нарастание скоростей...».....	11
2. «Что дождь? — пока его не слышим...».....	12
3. «Мы сидим на холме, именуемом: лето...».....	13
4. «Ночь. Человечества вполонину...».....	14
5. «Рассветы здесь молочны и росисты...».....	15
6. «А человек похож на лист...».....	16
7. «Вот так заглянешь в местный планетарий...».....	17

НЕВИДИМАЯ ЗАВЯЗЬ

1. «Я вот думаю: что бы такого сыну...».....	18
2. «Это чувство как приступ жажды...».....	19
3. «Еще не сказано ни слова...».....	20
4. «При первых признаках тоски...».....	21
5. «Ты же знаешь, так не любят нынче...».....	22
7. «Догонит щедрая награда...».....	24
8. «Слова сметает россыпью касаний...».....	25
9. «Маленькая деталь...».....	26
10. «Включаю торшер. Здесь, в малюсеньком круге...».....	27
11. «Как сосуды с общим сообщением...».....	28
12. «Покинуть — просто. Отпустить...».....	29
13. «Расстояние съест глаза...».....	30
14. «Он знает о моих коленях больше...».....	31
15. «Пятнадцатый этаж — отличный повод...».....	32
16. «История любви лукава...».....	33
17. «Мимика губ — какой...».....	34
18. «Буду лебедем в массовке...».....	35
19. «Любовь есть поворот от слабости, вражды...».....	36
20. «В халатике, на босу ногу...».....	37

ОДИННАДЦАТЬ ПЕСЕН О ЛЮБВИ

Эскиз.....	38
Жду.....	39
Имя.....	40
Сила мамы.....	41
Совершенная часть.....	42
Из возможных вариантов.....	43
Дождливое.....	44
Поделись.....	45
Баллада.....	46
Предчувствие.....	47
В нашей маленькой Вселенной.....	48

ПИСЬМА В ЖЕНЕВУ

«Покуда ночь на спинах тащим...».....	49
«Пишу письмо. Перо Татьяны...».....	50
«Декабрь. Почти двенадцать ночи...».....	51
«Никому не давай заглянуть в ладонь...».....	52
«...продолжим разговор, — ах, да, вино...».....	53
«Говорил: бессмертен разум...».....	54
«Жаль, что нежность — не скорость...».....	55
«Под покровом звездопада...».....	56

CORONA BOREALIS

1. «Исток любви — исток реки...».....	57
2. «Жемчужное небо вне времени, вне...».....	58
3. «Это ль не музыка — по восходящей...».....	59
4. «Вот и приехали: будешь теперь считать...».....	60
5. «Не навреди, прошу тебя, тоска...».....	61
6. «Весточки, веточки яблони...».....	62
7. «Я — Сизиф. Ты — Одиссей!...».....	63
8. «Нам бы память посовершенней!...».....	64
9. «Я помню страшную минуту...».....	65
10. «Молчанье жестко, как стена...».....	66
11. «Помню ли запах любви? Да и нет...».....	67

ОРФИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ

1. «За Туапсе состав идет налево...».....	68
2. «Серпантин: наизнанку глаза и дорога...».....	69

3. «Серпантин — метафора? Почти...».....	70
4. «Как в позапрошлом веке загорали...».....	71
5. «А сегодня над всем побережьем вождь...».....	72
6. «Как не дано предугадать...».....	73

ОДУШЕВЛЕННАЯ ПРИМЕТА

1. «Похоже, пережили зиму...».....	74
2. «Сходили старые сугробы...».....	75
3. «Когда сбегает молоко...».....	76
4. «И даже тот, без обоняния...».....	77
5. «Школьный дворик спального района...».....	78
6. «Подснежники из-под золы...».....	79

PHOENIX TEMPUS

Время памяти.....	80
Время писем.....	81
Время мертвой воды.....	82
Время живой воды.....	83
Время иллюзий.....	84
Вне времени.....	85
Прочие минуты.....	86

БОГ ЦИНИЗМА

1. «Человек придумает катастрофу...».....	88
2. «На обочине пыльной...».....	89
3. «Ты чувствуешь, что здесь живет родня...».....	90
4. «Что творится с руками?...».....	92
5. «Говорят, мол, пьет шампанское...».....	94
6. «Сожгли десятка три бенгальских свеч...».....	95
7. «Маленький городок. Не Европа...».....	96
8. Каждой твари по паре.....	97
9. «Ты понимаешь к тридцати...».....	99
10. «Приехал цирк провинциальный...».....	100

РОДИНА ЗВУКА

Простенький мотив.....	101
«Девчушка научилась издавать...».....	102
Под сводами, Гусь-Хрустальный.....	103
«Насторой виолу. Глядя в пустоту...».....	104

ТОЛЬЯТТИ — УФА

1. «Время, время, где ты, где ты?..».....	105
2. «От доньшка небес до дна...».....	106
3. «Вторая полка. Рай: плацкарт...».....	107
4. «Твои зрачки оставляют след...».....	108
5. «Как долго управляла тишь!..».....	109
6. «Не писала, поскольку сто тысяч дел...».....	110
7. «Квартира на последнем этаже...».....	111
100 СТРОК О ГОА.....	112

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

«Переходный возраст длится ...».....	116
«А когда ты станешь зрелым...».....	116

РЕТРОСПЕКТИВА

Питеру.....	117
«Женщины серебряного века!..».....	118
«Давай-ка напечем блины...».....	119
Безоружная.....	120
«Позабыть бы твоё лицо...».....	121
Простые письма.....	122
«Оранжевый день...».....	123
«Фобия жизни падет на лист...».....	124
«Я за маленькое убийство...».....	125
С.В.....	126
«Сужайся, мир! До малых впадин...».....	127
«Вероятно, старение — польза...».....	128
«Придумай миф ночной, что дождь — не дождь...».....	129
На причале.....	130
«Мой старый плед — свидетель, соучастник...».....	131
«обрывки мыслей, псевдосуэта...».....	132
«Асфальты, покрытые мелкой сетью...».....	133
«Когда б слова, как мрамор, форму...».....	134
«Статисты страшно тревожат нервы...».....	135
«Умолкли голоса; бесславный труд...».....	136
Пустое.....	137
Параллельное.....	138
Адам минус Ева.....	139
«Зрелость — как клинок — заходит в грудь...».....	140

Редкая птица.....	141
«Я, ты и Бог. Кто ошибался на тот момент...».....	142
Поэмка о дне рождения и смерти.....	142
«можно не писать белиберду...».....	144
Правда влюбленных.....	145
«Русский рэп...».....	146
«Те же градусы после зимы — жара...».....	147

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

«Если в тысячный раз идешь на работу...».....	148
«Стекло насквозь заиндевело...».....	149
Жатва.....	150
Глагол.....	151
«Нет разницы, какого рода...».....	152
«Сложен день, как лист, напополам...».....	153
«Холодный плачет бог...».....	154
«Он дикий зверь. Вожак — и вожжи?!...».....	155
«Не тот бокал горяч, в котором ром...».....	156
«Друзья мои, горячие сердца...».....	157
«Все куда-то спешат муравьиными тропами...».....	158
«По истечение долгих лет...».....	159
Сердцебиение.....	160
Национальные особенности.....	161
«Я люблю поезда с номерами трехзначными...».....	162
«Всю ночь в подъезде маленький котенок...».....	163
«Я сойду — темпераментом, в рост...».....	164
Первое погружение.....	165
Ссора.....	166
«Время, будто ветер, свищет...».....	167
«Понимаешь, все обычно...».....	168
Эпилог.....	169

МАЛЕНЬКИЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

1. Доброго пути.....	170
2. Всемирный закон.....	173
3. Заложник.....	176
4. Венок новогодних записок.....	178

ПРАВДА И ТОЛЬКО ПРАВДА.....	184
-----------------------------	-----

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2014
ИД № 00092 от 27.08.99.

ВАЛЕНЧИЦ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА
ОДУШЕВЛЕННАЯ ПРИМЕТА
(стихотворения)

РЕДАКТОР **В. МИСЮК**
ХУДОЖНИК **М. ШЛЯПИНА**
МАКЕТ, ВЕРСТКА **В. МИСЮК**

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.
Заказ №
Подписано в печать 27.11.2014.
Формат 60x84 / 16.
Бумага типографская.
Гарнитура "Peterburg".
Печать офсетная. Объем печ. л. – 12.
Тираж 500 экз.